

clv

Издат. Вольфганг Бюне

Обречены на существование?

Свидетельства надежды

clv

Christliche
Literatur-Verbreitung e.V.
Postfach 110135 • 33661 Bielefeld

Первое издание 1992
Второе издание 1993
Третье издание 1995

© русского издания 1992
by CLV · Christliche Literatur-Verbreitung
Postfach 110135 · 33661 Bielefeld
Перевод с немецкого: Elfriede Siemens
Оформление обложки: Dieter Otten, Bergneustadt
Набор: Enns Schrift & Bild, Bielefeld
Типография: Ebner Ulm

ISBN 3-89397-706-6

*Жизнь дана нам только один раз;
Настанет день смерти:
Правильно ли ты прожил свою жизнь,
то есть, прожил ли ты ее так,
чтобы быть готовым к вечности?
Да будет вечно прославлен Бог:
если это не так, то в вечности
уже ничего не исправить –
ведь мы живем только один раз!*

Сорен Киркегаард

Содержание

Предисловие	7
Антонио Буэни На поводу сатаны	9
Али Кобаноглу От Мухаммеда ко Христу	24
Гертруд Берг Я сделала аборт...	40
Удо Пианка 10 лет в плену сатаны	57
Габи Бранд Сколько стоит счастье?	72
Альфонс Беллерт Водка играла не последнюю роль	83
Послесловие	118

Предисловие

Многим людям кажется, что их жизнь является чистой случайностью, без цели и смысла.

„Проклятые для свободы“ и „приговоренные к существованию“, они не знают, как распорядиться своей жизнью, и с мужеством отчаяния идут навстречу смерти, „конечной остановке механизма человеческой истории“ (Сартр).

Другие, прежде всего, молодые люди, обращаются к наркотикам, чтобы уйти от бессмысленной действительности, или пытаются достичь других ступеней познания с помощью медитации, йоги и т.п.

Тем не менее, большая часть окружающих нас людей уходит от вопроса „почему“ и „куда“, чтобы жить согласно заурядному мещанскому принципу: „Будем пить и веселиться, ибо завтра умрем“.

Всем таким, а особенно тем, которые оказались по каким-то причинам на краю или за пределами общества, и считают, что вследствие своего прошлого или обстоятельств для них нет больше никакой надежды, нам бы хотелось заявить: у нас есть для вас ответ!

Иисус Христос, умерший за наши грехи на Кресте, но и воскресший Сын Божий, вошел в нашу жизнь. Обращение к Тому, Который говорит о Себе, что Он есть „путь, и истина, и жизнь“ (Иоан. 14,6), изменило нашу жизнь и дало ей новую цель и новое содержание.

Этот опыт побуждает нас сердечно обратиться к вам: читайте Библию, в особенности Новый Завет, чтобы узнать о Божьем завете, Его мыслях, о про-

исхождении и будущем человека, о грехе и прощении.

Начните, пожалуйста, говорить с Богом в молитве. Тот, Который сказал: „Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас“ (Мат. 11, 28), ждет вас!

Если у вас есть вопросы или вы нуждаетесь в душепопечительстве, то разыщите, пожалуйста, христиан, которые знают и любят Иисуса Христа, как своего личного Спасителя.

Антонио Буэни

На поводе сатаны

*„Мы не отрицаем длинных волос,
мы не носим широких штанов,
на моем лице нет и следа действительности.
Я не работаю,
Все, что мне нужно, – это побольше наркотиков.
Я ленивый идиот“.*

Клуб панков...

Подстегивающие ритмы панк-рока гонят меня на танцплощадку, где танцуют „Пога“. Толпа разбитых типов с лицами, похожими на маски, почти все, как и я, подвыпившие и употребившие гашиша, дают волю своим чувствам в танце. Топают ногами... Толкаются... Дерутся...

Хаотические звуки ожесточают, делают бесчувственными.

*„Танцуй Муссолини,
Танцуй Адольфа Гитлера,
Танцуй ...
Наши сапоги черные,
Справа – черная звезда...“*
И я танцую по указке сатаны!

Моя предистория типична для панка. Родился в 1963 году в Мюнхене. Отец – испанец, мать – немка.

В детстве я часто болел, а поэтому очень медленно развивался. Мне было примерно восемь лет, когда мы переехали в Памплону, Северная Испания, где у моих родителей был ресторан.

Мой отец – в молодые годы католический священник – пытался воспитать меня в религиозном духе, поэтому посещение церкви в воскресенье было для меня само самым разумеющимся.

Некоторое время нам с сестрой казалось, что в мире все благополучно, пока в супружеской жизни наших родителей не наступил кризис и начинавшиеся ссоры часто стали кончаться драками.

Эти все время усиливающиеся ссоры были для меня и моих младших братьев и сестер ужасным бременем. Однажды моя мать не выдержала, возвратилась в Германию и в течение четырех месяцев предоставила отцу одному воспитывать нас, пока они снова не примирились. Спустя несколько месяцев они продали ресторан нашим родственникам и снова переехали с нами в Мюнхен.

Так как я не отличался способностями в школе, перемена места жительства тяжело на мне отразилась; младшая сестра Кармен, которой учење давалось легко, скоро затмила меня. Из года в год учење давалось мне все труднее, и я приносил домой плохие оценки. Реакция родителей: порка, до синяков!

Мой отец, работавший тогда официантом и часто возвращавшийся домой с работы только в три часа утра, приходил иногда от моих отметок в такую ярость, что вытаскивал меня из постели и наотмашь бил меня в лицо.

Поэтому к отцу я питал не любовь, а страх, который скоро перешел в лютую ненависть.

Мне было тогда тринадцать лет.

В конечном итоге, я начал убегать из дома, пытаюсь найти то, чего мне там так не хватало: терпения,

утешения, безопасности. Как я стремился к этому! Долгими зимними ночами я часто сидел в своем укрытии, скорчившись от холода, погрузившись в грезы, тогда как совсем рядом меня искали полицейские с собаками.

Чтобы заглушить голод, я начал воровать в супермаркетах, и тогда я целыми днями жил почти исключительно на шоколаде.

Иногда мне также удавалось проникнуть в ресторан и стащить там что-нибудь из кухни. Это было не так уж трудно, потому что я был так худ, что легко мог пролезть через откинутое окно туалета. Помню, как однажды, совершенно уставший, я заснул в одном из таких туалетов.

Так я все время спасался бегством от своих проблем, забот и страхов, но каждый раз через несколько дней оказывался в полиции, откуда меня возвращали родителям.

К моему удивлению, отец очень великодушно прощал мне эти побеги. Только когда я приносил из школы плохие отметки, он был вне себя от злости. Возможно, это объяснялось тем, что некоторое время он действительно верил, что из меня может выйти авиаинженер. Однако, все отчаянные попытки достичь в школе каких-то успехов не могли предотвратить того, что в шестнадцатилетнем возрасте мне пришлось бросить школу, и я начал учиться на пекаря.

Сначала я жил у своих родителей, но так как до места учебы ехать было очень далеко, я скоро получил там комнату. Мне представлялось, что я, наконец, обрел свободу, о которой так долго мечтал: свободу от давления родителей, которых я ненавидел, хотя они и пытались наладить со мной нормальные

отношения. Но ненависть во мне разрасталась, как рак, и мое сердце оставалось холодным и бесчувственным. Их попыток помочь мне я не замечал, но никогда не забывал одного предложения, сказанного однажды матерью: „Из тебя ничего не выйдет! Ты пустое место, ты дурак!“

Эти слова глубоко оскорбили меня, и поскольку у меня не хватало сил выбросить эти необдуманные слова из головы, они глубоко засели во мне. Кто я такой? Комплекс неполноценности, ничтожный ученик, никто.

Будучи учеником пекаря, я тоже испытывал трудности с работой, в профессиональной школе я также был неудачником.

Чтобы отвлечься от всего этого и забыть на какое-то время обо всех своих трудностях, я все чаще посещал дискотеку, в котором иногда оставался до начала работы. Нетрудно представить, что недостаток сна не преминул сказаться на моем отношении к работе.

Музыка играла теперь важную роль в моей жизни. Я увлекся такими группами, как „Антихрист“, „Смерть Христу“, „Короли сатанинской службы“ и другими, тексты и ритмы которых были созвучны моим чувствам.

Сознание того, что я „ничто, ленивый дурак“, увеличивало мою ненависть, которая была направлена против большинства окружавших меня людей, а особенно против иностранцев, несмотря на то, что я сам был один из них.

Сначала я тайно читал Адольфа Гитлера и усиленно собирал информацию о его личности и идеологии. Мысль о том, что Гитлер тоже начал когда-то маленьким неудачником и все же стал великим

фюрером, в такой степени мотивировала меня, что я скоро примкнул к НДП, сделал свастики и изрисовывал стены и предметы.

Моей фантазией начали овладевать мысли о силе и разрушении. Так, меня мучило представление о том, как бы кого-нибудь застрелить или изрубить на куски. К этому времени я уже был в сетях сатаны, который вскоре превратил меня в беспрекословного последователя и поклонника.

Там, где я работал, было несколько девушек-учениц, из которых особенно выделялась Александра. Она была религиозна, верила в существование Бога и посещала русско-православную церковь. К тому же, она была наполовину русской, и у меня появилось основание ненавидеть и презирать ее. Но случилось обратное: после долгого времени мое сердце снова потеплело к человеку, и мы полюбили друг друга.

Александра была для меня всем, я был счастлив с ней, а она – со мной. Сначала мы прекрасно понимали друг друга, особенно потому, что считали, что были непоняты своими родителями. Мы не замечали, что делали один из другого идола и, фактически, не имели прочного фундамента для дружбы.

Поэтому вскоре наши отношения потерпели крах. Нас связывала только обоюдная половая зависимость, превратившаяся в своего рода страсть.

Ян Дьюри пел: „Все, что нужно твоему телу, это секс, наркотики и рок-н-рол.“ Чего нам еще не хватало, так это наркотиков. Но и они не заставили себя ждать.

Примерно в это время в Германии стали известны панки. Газеты в Мюнхене печатали о них статьи под крупными заголовками, и я был в восторге от

их выступлений, их „мужества“ и отрицания всякого рода авторитетов. Отныне я носил только черную одежду, и мне нравилось шокировать порядочную публику своей стрижкой ирокез. Александра была тоже потрясена моим видом, а когда через несколько дней я появился на работе выпившим, избил товарища по работе, а затем замахнулся на мастера полотенцем, между мной и Александрой было все кончено.

Мне было все равно: „Будущее мне ничего не сулит!“

Я дико хулиганил, потому что считал, что в моей беде виноваты все, кроме меня.

На стадионе „Мюнхен 1860“ я познакомился с неонацистами, которых легко можно было заметить по короткой стрижке, военным сапогам и летным курткам; некоторое время я симпатизировал военной спортивной группе Хофмана и вместе с их сторонниками участвовал в потасовках против сторонников Шалке 04 и ФЦ Нюрнберга. Я всегда также участвовал в драках против турков, греков и других ненавистных нам иностранцев.

Позднее для меня ничего не значило вместе с панками придирааться, а затем избивать совершенно незнакомых людей, которые ничего плохого нам не сделали.

Но за один из моих проступков я был привлечен к наказанию. На Вайсенбургерплатц я увидел, как из белого мерседеса вышел элегантный мужчина с „дипломатом“ в руках. С криком „бонзайская свинья“ я кинулся к нему, чтобы вырвать „дипломат“ из его рук. Однако, я не учел, что примерно в

пятидесяти метрах от нас находился полицейский на мотоцикле, который тут же принял меры. Через несколько минут я был в наручниках доставлен в полицейский участок.

Затем меня отправили в Штадельхайм в следственное заключение. Обвинение гласило: „Попытка грабежа с угрозой оружием, опасным для жизни“.

Конец. Впервые за решеткой – нет алкоголя, чтобы запить отчаяние, нет панков. Меня охватило никогда ранее не испытанное чувство одиночества.

Дело усугублялось тем, что во время следственного заключения в моей комнате был произведен обыск, где полиция уголовного розыска нашла письмо, написанное мною господину Хофману незадолго до моего преступления, через день после того, как на октябрьском празднестве в Мюнхене взорвалась бомба:

Уважаемый господин Хофман!

Меня очень радует, что наш товарищ Гундольф Келлер проявил мужество, доказав, что готов умереть за наше дело. Меня также радует, что при этом погибло пять британцев.

Несмотря на мое уважение к Вам, считаю упущением, что нас не предупредили до того, как взорвалась бомба. Было бы лучше, если бы бомба взорвалась на Вестэндштрассе, где живут канаки. Тогда мы уничтожили бы по меньшей мере 200 не арийцев. „Хайль Гитлер!“

Приветствует Вас

Антонио Буэно Гилл

Это письмо является ужасным свидетельством моего тогдашнего коварного человеконенавистнического жизненного настроя.

Немного света в мою темную жизнь вносили письма Александры, которая, вопреки всему, снова искала связи со мной. В своих письмах она писала о христианах и о любви Божией, о том, что Бог умер на Голгофе и за меня.

Письма Александры не оставили меня равнодушным. Я снова и снова задумывался над ними, в одиночестве камеры у меня было бы достаточно времени и возможности взыскать и призвать этого Бога. Но вместо этого во мне созрел сатанинский план. Мне предстояло пробыть в заключении около двух лет, и я знал, что каждое письмо от Александры и к ней прочитывается судьей. Поэтому в своей ситуации я решил злоупотребить Богом и писать „благочестивые“ письма.

Таким образом, я писал о своем „раскаянии“ и изменении взглядов, хотя как раньше, так и теперь ненавидел людей, на которых нападал.

Сначала все, казалось бы, шло хорошо. Я был на свободе и даже получил новое место учебы в другой пекарне. Но мое сердце, как и раньше, было исполнено ненависти, направленной, прежде всего, против богатых и иностранцев, и я строил планы, как бы избавиться от богатых и искоренить неарийские расы.

Анархические группы, такие, как „Секс пистолеты“, „ДАФ“ и „О.К.“ выражали в своих песнях то, что чувствовал я:

„Я антихрист, я анархист.

Я знаю, что мне надо и где мне это получить.

Мне бы хотелось уничтожить все преходящее.

Я хочу творить беззаконие“.

(Из книги „Анархия в О.К.“).

Наши отношения с Александрой были в это время очень напряженными. Сначала мы жили в комнате Александры, но между нами все больше возрастало чувство внутреннего отчуждения, потому что я почти каждый день ходил в панк-клуб и возвращался только поздно ночью. После очередной ссоры она переехала к отцу и оставила мне пустую комнату, в которой скоро очутились мои панки. Это привело к тому, что мы в значительной мере беспокоили хозяина, сдававшего нам квартиру, и меня попросили выехать.

Так как мы должны были освободить комнату, Александру позвали для того, чтобы она забрала свои вещи. Однажды в субботу она явилась совершенно пьяной, чтобы разобраться в своих пожитках, а через некоторое время появился молодой человек, представившийся мне Алоизом, который помог Александре забрать вещи.

Мы отнесли вещи домой к Александре, где некоторое время посидели с Алоизом в кухне. Мы долго беседовали, и он предложил мне переехать в христианский приют. Обменявшись с Александрой еще несколькими ругательствами, я с гордым видом отверг это предложение.

И вот я снова очутился на улице, вынужденный жить в грязи с панками. Скоро мне все это надоело, а так как наступала зима, я попытался пристроиться у своих родителей. Когда мне было отказано в этом, мне ничего не оставалось делать, как идти и просить христиан, чтобы они приютили меня.

Эти молодые люди сердечно приняли меня, и в последующие недели у меня была возможность убедиться в истинности их совершенно непривычного

мне жизненного стиля. Здесь не было бранных слов и господствовала чистая, честная атмосфера. Сердечность и самоотречение произвели на меня глубокое впечатление. Они давали, ничего не требуя и не ожидая. Однажды Алоиз сказал мне: „Вас – панков и нас – христиан объединяет общее мнение, что на этой земле нет будущего!“

Хотя я и жил у христиан, я оставался верным панкам и продолжал посещать панк-клуб. В одном из них я стал швейцаром и, таким образом, бесплатно получал пиво.

Часто Алоиз приходил ночью, чтобы забрать меня, и я не стеснялся прихватывать с собой друзей. Райнгольд, которого мы называли „камиказе“, Антонио – еще один испанец, Ральф и я – это была, чаще всего, наша компания. Христиане предоставляли нам ночлег и заботились о нас. Мы не могли этого понять. Они излучали любовь и заботу, которая нам была непонятна. Ведь даже наши родители не хотели иметь с нами ничего общего.

Сомневаясь в истинности такого сердечного отношения, мы реагировали провокациями. Но даже когда я однажды угрожал Алоизу ножом, тот не дрогнул, обезоружив меня своим дружелюбием.

Время от времени мы посещали с Алоизом общину. Несмотря на то, что я выглядел таким безобразным, что даже родная сестра не узнала меня на улице, а только подумала: „Только бы этот тип не заговорил со мной“, христиане принимали нас с распростертыми объятиями, хотя некоторым было явно не по себе, когда мы вваливались в зал с крашеными волосами, размалеванными глазами и от нас несло специфическим запахом.

На любовь этих христиан я все больше отвечал

ненавистью. Меня ужасно злило, что в их сердцах было как раз то, что у меня полностью отсутствовало: мир и радость. Чтобы оскорбить этих людей, я расписал свою кожаную куртку стихами, в которых порочилось имя Иисуса.

Однажды ночью, когда я изрядно выпил, я снова после долгого времени разыскал Александру. Я остался у нее до утра, и вдруг меня охватил приступ ненависти и ярости. В комнате Александры висели иконы. Я сорвал их со стен и стал плевать на них. Затем я закричал: „Отрекись от твоего Бога и служи сатане!“ На это она ответила – явно движимая любовью Божией: – „Нет, Иисус любит тебя!“

Я же, потеряв контроль над собой, орал: „Отрекись!“

Поскольку она не отвечала мне, я потерял последнее самообладание и избил ее поясом с шипами. Раньше она всегда сопротивлялась, но на этот раз, лежа на полу, она обхватила мои ноги руками и говорила: „Не уходи, Бог любит нас“. Я видел, что она совсем выбилась из сил, но все же, ударив ее в лицо, я оттолкнул ее и, пылая ненавистью, выбежал из квартиры.

Когда я сегодня вспоминаю об этом, сердце мое разрывается, и я не понимаю, как я мог так ненавидеть этого Бога, который уже начал изменять жизнь Александры, и почему я так жестоко поступил с человеком, которого любил.

В то время как я все больше накачивал себя алкоголем и гашишем, слова „Иисус любит тебя“ не выходили у меня из головы. Только громкий панк-рок, казалось, был в состоянии на короткое время заглушить эти слова.

В это время я покинул христианский приют и

вместе со своими друзьями жил в Нюрнберге. Но так как мы снова стали испытывать финансовые трудности, нам пришлось вскоре возвратиться в Мюнхен, где я разыскал Александру на ее новом месте работы. Я отдавал себе отчет, что опустился до крайности.

Вообще-то я намеревался запастись спиртным, но затем решил заехать за Александрой, чтобы забрать ее с работы. У нее дела тоже не ладились, она тем временем стала алкоголичкой; и все же мы пытались скрыть свое жалкое состояние под маской хладнокровия.

Вместе мы пошли в пивную и поиграли там в бильярд. Несмотря на то, что Александра была хорошим игроком, на сей раз она не могла загнать мячи в цель. Когда я внимательней пригляделся к ней, я заметил, что она что-то приняла. Она призналась, что выпила алкоголя с таблетками.

Мы оба чувствовали себя выжатыми. Существовала только еще одна возможность выйти из нашего бедствия, и я знал, что в этот день мне предстояло переставить стрелку нашей будущей жизни. Поэтому я заявил: „Давай начнем еще раз все сначала. Я дошел до точки, мне все надоело!“

„Есть только Один, Который может помочь нам: Иисус Христос“, – был ее ответ.

„Я вернусь к Алоизу и спрошу, не примут ли они меня еще раз. Тогда я выброшу свои тряпки еще сегодня же, обещаю тебе, а завтра я попытаюсь поискать себе работу“.

„Это ты должен мне вначале доказать. Я уже не верю тебе!“

Мы уплатили, простились друг с другом, и я отправился в христианский приют. На звонок мне

открыл Клаус, посмотревший на меня довольно удивленно.

„Можно войти? Я хочу расстаться со своим тряпьем“.

Клаус не выставил меня, поэтому я снял свою одежду, а в ящике на чердаке подыскал себе кое-что взамен.

На следующий день мне удалось найти место судомойщика.

Внешне жизнь моя теперь полностью изменилась, но новая одежда и то, что вопрос с работой был улажен, еще не означало, что в моем злом сердце произошли изменения. Это изменение мог совершить только Бог, и все началось с того, что Клаус подарил мне Новый Завет, который я начал систематически читать и в котором нашел следующие слова:

„...ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий (Лук. 12,40).

Я вдруг испугался, потому что к встрече с этим Иисусом был совсем не готов и знал, что со своей жизнью мне не устоять пред Ним.

Но Его милосердная любовь не только открыла мне глаза на мой грех и погибшее состояние, но и на непостижимую милость Божию. Я читал прекрасные слова: *„...приходящего ко Мне не изгоню вон“* (Иоан. 6,37).

„Боже, неужели это правда? Неужели правда, что ты хочешь принять такого грязного панка, опорочившего Твое святое имя?“

В жизни бывают решительные минуты, когда

знаешь: сейчас или никогда! Такой момент наступил и для меня, и я ясно слышал Божий призыв к покаянию. Я не хотел упустить этого случая и в тот же день предал Иисусу Христу обломки моей жизни и просил Его простить мою безбожную жизнь и принять меня.

Эта молитва была первым шагом в новую жизнь свободы от оков греха, в жизнь радости и мира.

Александра тоже сделала этот шаг и обрела освобождение от вины и греха через веру в Иисуса Христа, на кресте искупившего Своей жизнью наше спасение.

Тем временем прошло несколько лет, я пережил взлеты и падения, но Бог никогда не оставлял меня. Иногда гордость и эгоизм всплывали вновь, и моим друзьям-христианам было трудно со мной. Но тогда Бог сильнее натягивал узду, чтобы образумить меня. Часто это было болезненно, но ни за что на свете я не хотел бы вернуться к прошлому.

В 1983 году мы с Александрой вступили в брак, и Бог подарил нам сына и дочь.

С тех пор, как моя жизнь принадлежит Богу, моим особенным желанием является рассказать своим бывшим друзьям-панкам, как Бог изменил мою жизнь. Один из них сказал в беседе: тебе навязали религиозность.

Что же, я могу с благодарностью свидетельствовать, что только живой Бог Сам через Свое Слово – Библию заговорил со мной и убедил меня.

Может быть, ты находишься в ситуации, подобной той, в которой был раньше и я. Если твоя жизнь наполнена грехом, будь то алкоголь, наркотики, алч-

ность, воровство, сексуальные грехи, убийство и тому подобное, Господь Иисус умер за эти грехи на кресте и понес на нем наказание за мои и твои грехи.

На основании этого Бог может предложить тебе прощение грехов и дать новую вечную жизнь.

„Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную“ (Иоан. 3,16).

Иисус Христос, принявший несчастного грязного панка, каким был я, и сделавший его дитем Божиим, не оттолкнет тебя, если ты придешь к Нему со своей разбитой жизнью. Он верен Своему Слову.

Иисус любит тебя!

Твой Антонио

От Мухаммеда ко Христу

„Ни с места – грабеж!“

Спешно выпалив эти слова и наведя пистолет, я стоял перед двумя продавщицами продовольственного магазина в Вестервальде. В ужасе они закричали: „На помощь!“, но их крик не был услышан, потому что мы дождались перерыва – в магазине не было ни одного покупателя.

Мы – мой друг и я – не были профессионалами. Без маски и – что оказалось еще более трагичным – не имея никакого опыта, мы напали на магазин. В то время как дрожащие от испуга женщины подняли вверх руки, мой друг подбежал к кассе, опустошил ее, выбежал с добычей из магазина и исчез в своем автомобиле из виду, оставив меня с мрачным лицом стоять перед двумя беспомощными женщинами.

И вот я стоял здесь. С заряженным пистолетом в руке, обманутый своим же „другом“. Теперь я внутренне кричал о помощи, ибо только сейчас мне стала очевидна темная игра, в которую со мной играли; иллюзия потерпела крах. За одну секунду перед моими глазами, словно фильм, прошла вся моя жизнь. Как только мне стала ясна безвыходность моего положения, я отбросил пистолет и сказал женщинам, которые все еще стояли с поднятыми руками: „Не бойтесь, я ничего вам не сделаю. Я сделал чушь и должен быть за это наказан. Зовите полицию!“

Спустя десять минут в магазин, тем временем на-

полнившийся людьми, спешно вошли два полицейских с пистолетами наготове. Возле магазина тоже стояла толпа зевак. Поэтому вопрос несколько озадаченных полицейских был вполне справедливым: „Где же тут грабитель?“ Я быстро среагировал на этот вопрос и без сопротивления протянул руки для наручников. Одна из продавщиц тем временем оправилась от первоначального шока и нашла в себе силы наградить меня парой оплеух. Я не сопротивлялся, даже если бы я был в состоянии сделать это. Лучшего я не заслужил.

Полицейские доставили меня в полицейский участок в Монтабаур, где меня поместили в камеру. На следующий день меня повели к следователю, а после этого я был отправлен в следственное заключение в Кобленц. В маленькой камере в Монтабаур я провел бессонную ночь. Разочарованный и взбудораженный событиями прошедшего дня, я размышлял над своей жизнью. Значит, так. Где же мои „друзья“? Впервые в своей жизни я возопиял к Богу: „Правильно ли я поступил, что перестал верить в Мухаммеда? Покажи же мне Твой путь и помоги мне!“

Перед моими глазами стояла родина – небольшое село в восточной Анатолии, где я провел свое детство и юность. Там, недалеко от покрытых снегом вершин Арарата, в большой нищете жили мои родители, братья и сестры. Мой отец был пастухом в этой суровой и неплодородной местности, которую часто посещал голод. Летом мы страдали от невыносимой жары, тогда как зимой там часто лежали высокие снежные сугробы и нам не хватало сухого кизяка, чтобы как-то отапливать наш ма-

ленький домик, в двух комнатах которого ютились двенадцать человек.

Желанием моих исламских родителей было, чтобы я, второй по счету сын, стал „ходжей“ (исламским священником). Несмотря на то, что мои родители были неграмотными, они позаботились о том, чтобы мы, дети, ходили в школу. Кроме того, я два-три часа в день занимался в „медресе“ – неофициальной школе, руководимой фанатичными мусульманами, желавшими преподать нам коран на арабском языке. Когда мне было 13 лет, я попал в официальную школу „ходжа“, где меня готовили к будущей духовной профессии. В возрасте 20 лет я выдержал экзамен и, к большой радости родителей и родственников, стал первым „ходжей“ в своем селе.

Каждое утро, „прежде чем волка можно отличить от овцы“ – как гласило предписание – я должен был вставать, по три раза мыть руки, ноги и лицо, а также прополаскивать рот и нос. Затем я поднимался на холм или крышу, чтобы пробудить лежащее в сумерках село зовом: „Аллаху акбар...“ – „Аллах велик. Есть только один бог, и Мухаммед – его истинный пророк. Да благословит Бог Мухаммеда. Молитесь лучше, чем спать. Приходите на молитву!“

Дом, служивший заменой отсутствовавшей мечети, постепенно наполнялся более или менее заспанными жителями села. В нем я молился пять раз в день по-арабски и читал соответствующие места из корана, которые никто из присутствующих, однако, не понимал. Особо благочестивые 33 раза проговаривали: „Аллах велик, Мухаммед его пророк, аллах милостив...“, перебирая при этом своими

„тесби“ (своего рода четки). Я был теперь самый уважаемый и могущественный человек в селе – гордость и радость своих родителей.

Но эта радость родителей длилась примерно 10 недель. Меня мучили большие сомнения относительно того, следует ли верить корану. Эти сомнения возникли уже несколько лет назад, когда один друг-армянин привел мне два аргумента против моей веры:

1. Верить в то, что арабский язык – единственно „святой“ язык, на котором говорят в раю, просто вздор. Бог говорит и понимает все языки, считал мой друг. Это показалось мне убедительным, ведь в конце концов я мог объясняться уже на трех языках: курдском, турецком и арабском. Разве может Бог, мой Творец, говорить и понимать только один язык?

2. Когда в исламе утверждается, что Аврааму нужно было принести в жертву Измаила, а не Исаака, то это чистая фальсификация. Другие святы книги (Библия) учат иначе. Хотя я не мог убедиться в правильности его утверждений – к сожалению, в нашем селе не было Библии – мое доверие к корану было подорвано. Во время каждого служения в качестве „ходжи“ я чувствовал себя лицемером, не уверенным в том, что он проповедует другим. Наконец, я не выдержал, и однажды в пятницу я заявил собравшимся верующим: „Братия, я чувствую себя перед вами лжецом. Я сам не верю в то, что проповедовал вам. Поэтому я не могу больше быть вашим ходжей“.

Присутствовавшие были шокированы. Они тут же стали агрессивными, начали бить меня и плевать. Другие побежали к моим родителям и рас-

сказали им, что только убив меня, они смогут изгладить позор, который я навлек на свою семью.

Мои родители плакали. Наконец-то их сын чего-то добился, и вдруг такой позор!

Было ясно, что при создавшихся обстоятельствах я не мог больше оставаться дома, и я уехал в Бингол, более крупный город. Там я довольно безнадежно искал работу, пока однажды, впервые в своей жизни, не познакомился с курдскими социалистами, которые очень дружелюбно беседовали со мной и пригласили меня к себе. Их дружелюбие, их любовь к родине и жизненные идеалы очень увлекли меня, и скоро я стал гордым курдом.

Когда в 1978 году ситуация стала для нас очень критической, я вместе с еще некоторыми единомышленниками выехал в Германию, чтобы там учиться, зарабатывать деньги и поддерживать курдских патриотов.

Сначала я жил в Бад Годесберге, позднее – в Вестервальде. Я изучал труды Карла Маркса, Фридриха Энгельса и стал убежденным социалистом, поскольку не знал ничего другого. Так как я был довольно прилежен, я смог прилично зарабатывать и помогать моим родителям.

Чтобы остаться в Германии навсегда, я пошел на уговоры и в 1982 году заключил фиктивный брак с немкой. Мы встретились лишь в ЗАГСе, чтобы потом снова разойтись. Но спустя три года она подала на развод, потому что я не был согласен финансово поддерживать жену, с которой никогда не жил.

Среди многих курдов, с которыми я был знаком в Германии, у меня был хороший друг. В Хахенбурге мы снимали с ним одну квартиру. Позднее он же-

нился и попал в финансовый кризис. Оказавшись в нужде, он попросил меня одолжить ему деньги. Сумма была солидная, но он вернул ее точно в условленное время, так что я, не раздумывая, занял ему деньги во второй раз. Когда же через несколько недель он снова попросил у меня деньги, мои резервы кончились. Мы находились в его автомобиле по дороге в Монтабаур, и я сказал ему, что и у меня нет денег. Когда мы приблизились к одному селу, он вдруг спросил меня: „А что, если совершить в этом селе грабеж?“ С одной стороны, мне было жаль, что я не мог одолжить ему деньги, с другой стороны, его предложение возмутило и смутило меня, а тут он еще, подмигнув, прошептал: „Боишься?“

Этим замечанием он задел мою гордость, и в ответ я засмеялся: „Боюсь? Кого? Я тоже приму участие!“ Через несколько минут дело дошло до описанного в начале неумелого грабежа.

Теперь во мне лишь горело желание отомстить, убить этого предателя!

После 13 месяцев следственного заключения в марте 1987 года состоялось слушание дела. Так как я взял все на себя и был со всем согласен, приговор гласил: 4 года лишения свободы. Сначала я был препровожден в Дуйсбург-Хамборн, а потом переведен в Шверте-Эргсте.

Уже в Кобленце, как ответ Бога на мою молитву, я получил Новый Завет на турецком языке. До сих пор – а я к тому времени был в Германии около 8 лет – ко мне никогда не обращался христианин, в руки не попал ни один трактат. Примерно год я читал Новый Завет, и мне стало ясно, что Бог ждал от

меня, чтобы я обратился к Нему и порвал со своей безбожной жизнью.

В Дуйсбург-Хамборне я впервые в жизни познакомился с убежденным христианином, господином Шнайдером. В этой тюрьме он вел библейский кружок, собиравшийся один раз в неделю. После того, как я первый раз принял участие в работе кружка, в конце часа я взорвался: „Ты много рассказываешь нам про Иисуса Христа. Но есть же и другие темы. Что ты думаешь о мире в этом мире?“

Он отвечал: „Я тоже принадлежу к группе, борющейся за мир. Мой мир – Иисус Христос. Кто верит в Него, тот обретет мир, а кто не чтит Его, тот не имеет мира“.

Этот скромный простой ответ задел мое сердце и совесть. Я не нашел, что сказать на это, и когда он удивленно спросил: „Почему вы ничего больше не говорите?“, я ответил: „Мне достаточно, у меня нет вопросов“.

„Я вижу, что вы ищущий человек. В какой вы камере?“

„2 отделение, 153 камера“.

„Я приду и посету Вас“. Я, конечно, не рассчитывал на его посещение, но уже час спустя он зашел в мою камеру и принес мне турецкую Библию и несколько почтовых марок. Он спросил меня, можно ли ему помолиться обо мне в этой камере. Я ничего не имел против и ожидал, что он заведет свою молитву – как это было со мной, когда я был мусульманином. Вместо этого он преклонил на полу колени и обратился к Богу, как к другу: „Господь Иисус, помоги этому молодому человеку найти Тебя, разреши его проблемы! Аминь“.

После этой молитвы я не мог сдерживать слез. Это была первая молитва, услышанная мною от христианина, поэтому, глубоко потрясенный, я спросил его: „Когда мы увидимся снова?“

„Увидимся ли мы или нет, я не знаю. Но если Вы обратитесь и примете Иисуса Христа как своего личного Спасителя, мы увидимся, самое позднее, в небе“.

Встреча с этим человеком оказалась единственной, ибо уже через неделю меня перевели в Шверте-Эргст. Здесь у меня было время и возможность на основе Библии найти ответы на вопросы, долгие годы мучившие меня. Кого Авраам должен был принести в жертву – Исаака или Измаила? Я начал читать книгу Бытия и после 22 главы я знал, какой ответ дает на это Библия, так что теперь я понял, что мой тогдашний друг-армянин был прав.

Через несколько дней дверь моей камеры неожиданно открылась и вошла пожилая дама, представившаяся как фрау Лемкюлер, пасторша заведения. Она пригласила меня посетить библейский кружок и при этом вручила мне плитку шоколада и пачку кофе, цену которых знает лишь тот, кому когда-либо пришлось „сидеть“. На ее приветливое приглашение я ответил: „Если у меня будет время, я, возможно, посету когда-нибудь ваш кружок“.

Поскольку времени в тюрьме предостаточно, я очень скоро стал регулярным посетителем этого кружка.

Вечерами, когда я сидел в своей одиночной камере, у меня было много пищи для размышления. Мне стало ясно, что Бог ждет от меня осознанного обращения к Нему. Но какой-то голос во мне говорил: „Тебе нет необходимости делать этого. Ты не

грешник. Хотя ты и совершил нападение, зато теперь ты отбываешь наказание, компенсируешь свою неудачу“. Кроме того, меня мучили вопросы, размышлять над которыми свойственно только мусульманину: „Как возможно, чтобы у Бога был Сын?“ Это утверждение было для меня, бывшего мусульманина, богохульством. „Ширк“ (сожительство) является для мусульманина тягчайшим грехом, какой только можно совершить. Поэтому в исламе категорически отвергают Иисуса Христа как Сына Божьего, потому что они понимают под этим, что Мария зачала Сына Иисуса, будучи женой Бога. Всякий, кто ставит кого-либо наравне с Богом, согласно исламской вере совершает грех, который никогда не может быть прощен.

И все же беспокойство в моем сердце все нарастало. Что стало бы, если бы мне пришлось сейчас предстать перед Богом? Примерно 6 месяцев терзали меня эти мысли. Но в ноябре 1987 года свершилось самое большое чудо в моей жизни. Служащий как раз затворил двери моей камеры и пожелал мне доброй ночи. Кругом стояла тишина, а внутри меня началась борьба. Доведенный до отчаяния и мучимый мыслями о самоубийстве, я сказал себе: сейчас или никогда!

Я снова открыл Библию и прочел слова из Иоанна 14,6:

„Я есть путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня.“

В отчаянии я громко возопил: „Иисус, я же хочу прийти к Тебе, но почему мне это не удается?“

Наконец, рыдая и сотрясаясь всем телом, я стоял

на коленях и молился: „Господь Иисус, Ты пришел на эту землю, чтобы умереть за меня на кресте. Прощу Тебя, прости мне мои грехи!“

После этой молитвы я поднялся новым человеком. На смену безысходности пришло ощущение глубокой радости. Все мысли о мщении и мое одиночество исчезли, ибо я знал: Иисус со мной. Поскольку я испытал любовь и прощение, я даже смог простить моего „друга“, обманувшего и оставившего меня в беде. Радость моя была так велика, что я не мог скрыть ее. Я тут же на трех страницах записал историю своего обращения к Богу и отослал ее в миссию, издавшую календарь на турецком языке, висевший в моей камере.

На следующий день я с великой радостью пошел на библейский кружок, чтобы засвидетельствовать там другим о своем обращении. Я никогда не забуду, как услышав эту весть, фрау Лемкюлер подошла ко мне, взяла меня за руку и пропела мне старую песню Исаака Уатта: „Правда ли, что Иисус умер за меня и искупил мою вину?“ Припев этой песни: „На кресте для меня наступил рассвет, с моих глаз спала пелена...“ выражал как раз то, что я пережил прошлой ночью: очи мои увидели Сына Божия!

Очень скоро я стал известен в своем отделении как „благочестивый“. Однажды, когда я в первый раз подал прошение об увольнительной на конец недели, я изрядно расстроился, потому что у меня никого не было, где бы я мог провести увольнение. Один заключенный, наблюдавший за мной, с издевкой заметил: „Что же ты приуныл? Разве твой Иисус больше не помогает тебе?“

Я попробовал объяснить ему, что ничуть не сом-

неваюсь в этом, но загрустил потому, что не знал, у кого бы мне провести увольнение. На это он сказал: „Я знаю кое-кого, такого же святого сумасброда, как и ты. Я дам тебе его адрес, может быть, он примет тебя“.

Радуюсь, что предо мной засветил луч надежды, я сказал ему: „Послушай, друг, Иисус все же помогает мне, да еще и через тебя!“

Через несколько дней ко мне пришли первые посетители – супруги, чей адрес мне был дан.

Несмотря на то, что я никогда не встречался с ними, они не были мне чужими. После того, как я рассказал им свою историю, мужчина сказал мне: „Ты мой брат, мы всегда будем рады принять тебя!“

Конец следующей недели я провел у этих милых супругов – в последующие месяцы они стали мне родителями. Там я впервые в жизни посетил собрание христиан. Хотя многое еще не укладывалось в голове, я чувствовал себя там как дома.

Вечером, доставляя меня в тюрьму, они сообщили мне еще нечто важное: в Германии существует возможность при очень хорошем поведении подать заявление с просьбой о получении разрешения отсидеть только половину срока. На следующий день у нас было „общение“, то есть заключенным было разрешено посетить друг друга в пределах своего отделения. Я пошел к Ульриху, давшему мне адрес, и спросил его, не мог ли он напечатать мне такое прошение. Он объяснил мне, что это не так просто, как я думаю, потому что без юриста такое заявление не имеет смысла. Я все же попросил его написать заявление, потому что недостаточно хорошо владел немецким, и добавил, что Иисус Хрис-

тос Сам будет моим юристом в решении этого вопроса.

Начальство тюрьмы тоже посмеялось надо мной, когда я подал свое прошение, а один служащий, с которым мы неплохо понимали друг друга, посмеивался больше всех. „Если Вы поверите в Иисуса Христа, то увидите еще не такие чудеса“, – ответил я ему и горячо молился о положительном решении моего вопроса.

Накануне моего освобождения у меня было ощущение особого присутствия Божия в моей камере. Я как-то особенно почувствовал, что вскоре буду освобожден. Радость моя была велика.

Когда на следующее утро высмеявший меня накануне служащий хотел мне что-то сказать, я сказал ему, что это излишне. Я и так знал, что меня освободят. Через несколько минут пасторша тюрьмы пришла ко мне с моим новым другом, приехавшим забрать меня. В 15 часов дня, сияя от радости, я покинул тюрьму, неся два картонных ящика, в которых были все мои пожитки. Я был свободен!

Но теперь начались другие трудности, потому что в моих документах было указано, что я отсидел за воровство и не имел профессии.

Вскоре после моего освобождения одна служащая сказала мне: „Мы отправим Вас, как и других, в Турцию!“ Итак, я имел разрешение лишь на временное проживание в Германии. Но мое освобождение было для властей настолько неожиданным, что они еще не успели оформить решение о моем выезде. Поэтому я сначала жил в пыльном, темном подвальной помещении, беспокоясь на своем ложе по ночам. Вновь и вновь приходила мысль:

сегодня тебя вышлют! Некоторых из моих друзей, которых отослали обратно, уже не было в живых. Таким образом, психологическое давление все увеличивалось. Продление всегда давали только на три месяца. Печаль и одиночество настолько возросли, что я молился: „Господь Иисус, возьми меня с этой земли к Себе!“ Но Бог успокоил меня обетованием: „Се, гряду скоро!“ В сознании того, что Он отрет всякую слезу, что не будет больше скорби и вопля, я смог перенести эту внутреннюю скорбь.

Несмотря на то, что, как у судимого иностранца, у меня было мало шансов получить работу, я скоро смог работать подручным и мостовщиком. И не только это. Я познакомился со своей будущей женой, которая тоже недавно пришла к вере в Иисуса Христа, и в сентябре 1989 года мы смогли вступить в брак.

Однако, и тут пришлось преодолеть барьеры. За неделю до свадьбы власти отказали в регистрации брака. Приглашения же на свадьбу были уже разосланы! Но живой Бог и здесь предусмотрел для нас выход. Регистрация состоялась в Дании, а свадьба – немного позднее в Германии. „Уповающий на Него не постыдится“ и „Не бойся, ибо Я с тобой.“ Эти обетования из Библии часто подкрепляли и подбодряли нас во времена скорбей, когда мы не видели выхода.

Естественно, что мне очень хотелось услышать что-нибудь о своих в Курдистане. Летом 1988 года ко мне неожиданно пришел мой брат, которого я не видел уже более 10 лет. Он был очень молод и кроме „да“ и „нет“ не знал ни одного немецкого слова. Он тоже страдал от тяжелой работы и одиночества. Поскольку мне, как мостовщику, приходилось

очень тяжело работать, у меня не нашлось достаточно времени позаботиться о брате. После 6 недель пребывания у нас он исчез так же неожиданно, как и появился. Но он забрал с собой Библию.

Через несколько месяцев я получил письмо от жены брата. Она уже 7 лет была замужем за моим братом, но, к сожалению, у них не было детей. Врач прописал ей лекарство, которое могло помочь решить эту проблему. Но поскольку в Турции за это лекарство нужно было заплатить огромные деньги, она просила меня прислать ей эти таблетки. Я посоветовался со знакомым врачом, но тот посоветовал мне ни в коем случае не приобретать этого лекарства. Он предостерег меня, что его прием может привести к рождению ребенка с врожденным физическим недостатком. Поэтому я молился и послал родственнице кассету, в которой советовал ей не искать помощи у врачей, но препоручить сначала свою жизнь Иисусу Христу. Если Богу угодно, Он может подарить ей дитя. Чтобы у нее не сложилось впечатление, что я только пытался отделаться дешевым утешением, я также выслал ей 150 марок – цену лекарства. Через два месяца я получил известие, что она забеременела, а еще пять месяцев спустя мне позвонил мой брат Авраам и со слезами признался: „Теперь мы поклоняемся тому же Богу, что и ты. Моя жена последовала твоему совету, и наши молитвы были услышаны“. Таким образом, Бог совершил второе чудо в моей семье.

История слепого из Иоанна 9, прозревшего силой Божией, относится к библейским рассказам, которые я особенно люблю. Будучи мусульманином, я тоже годами был слеп к библейской истине, но Бог

открыл мне глаза. Теперь нам с женой очень хочется познакомиться с этим чудесным Богом не только многих турков и курдов здесь, в Германии, но и на моей родине. Это не просто. Мусульмане-фанатики убеждены, что они заработают себе вход в небо, если убьют изменника. Понятно, почему я часто сталкиваюсь с ненавистью, когда рассказываю своим соотечественникам, что стал христианином.

Когда друзья однажды пригласили меня сотрудничать в Дортмунде при распространении духовной литературы и, тем самым, перед лицом общественности стать на сторону Иисуса, я сначала испытывал большой страх. Но, помолившись и прочтя в слове Божиим обетование „*Не бойся, ибо Я с тобой!*“, я обрел новую силу.

Я вышел с христианами на улицу и, как я этого опасался, ко мне приступили с угрозами три турка, из которых один был „ходжей“. „Мы убьем тебя, мы не допустим, чтобы ты занимался христианской пропагандой среди наших соотечественников!“ Но Бог помог мне проявить к ним дружелюбие, и я сказал „ходже“: „Знаете ли вы, что вы только что сделали? В Божьих очах вы – убийцы. Вы угрожаете мне смертью, потому что в вас сатанинский дух. Я не занимаюсь здесь пропагандой и не зарабатываю на этом, но свидетельствую, что сделал для меня Иисус Христос. В моем сердце уже нет мыслей о мщении, оно исполнено Святым Духом и Его любовью“.

Он не взял Библию и разорвал предложенную мной литературу. Я задал ему вопрос: „Может ли Мухаммед дать вам вечную жизнь? Иисус Христос подарил мне жизнь вечную!“

Кипя от злобы, он отошел от меня, безуспешно потребовав от меня, чтобы я пошел за ним в мечеть.

Мне, бывшему мусульманину, Бог подарил жизнь, полную чудесного будущего. Мусульманин не знает, куда он идет после смерти. „Танри билир“ – „Бог знает“ – вот его ответ. Они знают Бога только как судью, который взвесит в вечности их добрые и худые дела. Им известно только пять способов угождать Богу: ежедневная молитва, ежедневное признание аллаха, празднование рамадан один раз в год, посещение один раз в своей жизни Мекки – лично или через посредника – и регулярная милостыня. Иисуса Христа, как Сына Божьего, они категорически отвергают. Его заместительная смерть за нас на Голгофе для них неприемлема. Коран признает Иисуса только как одного из великих пророков наряду с Моисеем, Давидом и Мухаммедом.

Для меня Он стал Спасителем и Избавителем, и мое желание: засвидетельствовать многим мусульманам – а среди них в особенности туркам и курдам – о том, что сделал для меня Бог и какую цену Он уплатил и за их избавление.

Я сделала аборт...

Насколько я помню, детство мое было благополучным, отмеченное особым расположением к горячо любящей меня бабушке. Так как мои родители оба работали, большую часть времени я проводила у бабушки, которая после смерти моего деда переехала к нам. Это была любвеобильная женщина, благочестивая католичка, и вечерами она регулярно молилась со мной, держала перед сном мою руку и охотно откликалась на все мои нужды.

Бабушка заботилась о том, чтобы я регулярно посещала церковь, а это случалось по воскресеньям, всей семьей, и два раза на неделе, когда я посещала детские богослужения. В церковь я ходила охотно, и это стало моей потребностью, не оставившей меня, когда бабушке, страдавшей артериосклерозом, пришлось оставить нас и перебраться к другой дочери, которая не работала и имела время ухаживать за ней.

Таким образом, я уже в детстве научилась со всеми своими заботами и страхами приходить с молитвой к Богу, во всем доверяться Ему и благодарить за Его помощь.

Школа доставляла мне много радости. Учение давалось легко, а поэтому мне трудно было согласиться, когда родители не разрешили мне посещать гимназию. Я часто возмущалась этим, но не могла противостоять аргументам матери. Она считала, что не сможет заработать средства, необходимые для оплаты обучения в гимназии. В конце концов, ведь наша семья рабочая.

В юношеские годы я скорее находила общий язык с отцом, чем с матерью, хотя оба хорошо относились ко мне и моей старшей сестре, и как семья, мы жили очень дружно.

Мальчишками я стала интересоваться довольно рано. Сначала это выражалось лишь в мечтах, которые затем улечивались, будучи, вероятно, следствием чтения плохих книг, которые я читала запоем.

Когда мне еще не было 15 лет, у меня уже был первый друг. Он был на пять лет старше меня, и озабоченный отец настоятельно просил его не заходить слишком далеко. Поэтому ласки, которыми мы обменивались, были в определенных границах, хотя иногда я боялась потерять контроль над своими чувствами.

Со временем эта дружба распалась, несомненно, потому, что после долгих дискуссий с родителями у меня все же появилась возможность продолжать образование и передо мной, таким образом, открылись совсем новые перспективы. „11 августа, все кончилось мирно“. Так гласила запись в маленькой книжечке, в которую я решила заносить важнейшие события своей жизни.

В течение двух лет я сосредоточилась на образовании, и у меня не было ни времени, ни интереса заводить друга, как это делали многие другие девочки моего возраста.

Но тут в мою жизнь вошел Филипп. Он изучал экономику и каждый день ехал тем же поездом, который доставлял меня в школу. Если я шла в плавательный бассейн, то могла быть уверена, что спус-

тя некоторое время он будет „случайно“ недалеко от меня.

Он не был мужчиной моей мечты. Но любезностью и настойчивостью, с которой он все время приглашал меня, он, наконец, заинтересовал меня.

Филипп был веселым, несколько легкомысленным, но, тем не менее, надежным человеком. В 21 год он был на четыре года старше меня и уже имел опыт с девушками. Поэтому для него было естественным, что он требовал от меня все больше, и я, таким образом, оказалась между страхом и любопытством. До сих пор я имела ясные представления о половых отношениях, ибо через воспитание, полученное мною, мне были даны твердые моральные основы. Правда, я считала тогда, что никогда не выйду замуж, не убедившись сначала, существует ли между нами и сексуальная гармония. Поэтому я не могла долго отклонять притязаний Филиппа, и скоро он имел на меня права, что мне отчасти не нравилось, но, с другой стороны, я не могла отказывать, потому что все больше желала его.

Теперь я глубоко убеждена, что все внебрачные половые отношения являются грехом и толкают, особенно девушку, в глубокие конфликты. В большинстве случаев они связаны с периодически возвращающимся страхом перед нежелательной беременностью.

Многие психологи сомневаются в том, что молодые люди способны эмоционально, разумно пойти на интимную связь. Чувство взаимного расположения никогда не должно являться основанием для сексуальных вольностей, могущих привести к ис-

тинной радости и полноте только под защитой и покровом брака.

Но вернемся к нам с Филиппом. Я снова находилась под страхом забеременеть, и Филипп получал от своей матери крайне сомнительные советы, вроде: выпить красного вина, принимать горячие ванны, ездить по ухабистым полевым дорогам. А если все это не поможет, то она знает, где можно купить специальные таблетки.

Мне было ужасно стыдно за родителей Филиппа!

Последовав всем этим советам и наглотавшись таблеток, я почувствовала, что все было напрасно. Я не была беременна, просто месячные задержались. Врач, к которому я затем обратилась, прописал мне противозачаточные средства с указанием, что если в дальнейшем я захочу иметь ребенка, мне следует через два года прекратить их принимать.

Вот тогда-то я и забеременела! Именно я, у которой в голове носились честолюбивые планы, которая искала славы, развлечений и приключений!

Ребенок! Конец всех мечтаний!

Что подумают обо мне родственники, друзья, учителя, весь город? Какой стыд! Что мне делать?

Реакция Филиппа была такой, как я и ожидала. Он не хотел ребенка! После учебы он обязался прослужить два года в армии, а у меня еще не было профессии. Было только одно решение:

„Ты должна „отделаться“ от ребенка!“

Я была в отчаянии. Я знала, что аборт – грех, но как мне теперь поступить? Может быть, все же правда, что в первые недели зародыш не является человеком? Но как делают аборт? Кто оплатит все

это и что будет, если во время аборта что-то будет не так?

Эти и многие другие вопросы мучали меня, и я очень боялась уколов, болей и всяческих осложнений.

Я отгоняла мысли о несправедливости, которая постигла меня. Будущее и уважение к людям были для меня важнее. Ко всему этому, Филипп и его родители ни о чем больше и слышать не хотели, как об аборте. Кроме того, я была не той невесткой, какую они желали бы. Их больше устраивало бы, если бы жена их сына была побогаче.

Сначала я ничего не говорила своим родителям, потому что мне это было крайне неприятно. Прежде всего, мне было стыдно перед своим отцом. Когда мы, наконец, посвятили моих родителей в это дело, отец был единственным, кто восстал против аборта и заявил, что никогда не даст на это своего согласия.

Мне и сегодня еще жаль, что нам, наконец, с трудом удалось уговорить его согласиться. Я чувствовала свою вину в том, что заставила поступить отца против своей совести.

Мать Филиппа раздобыла адрес врача, с которым мы проконсультировались. Она все взяла в свои руки и, к тому же, сначала побеседовала с врачом, который ничего не должен был знать и который, все же, по ее настоянию, дал ей адрес одного своего коллеги.

По телефону мы договорились с ним о времени приема, но он потребовал сначала справки от домашнего врача об общем состоянии моего здоровья. Далее, он дал нам адрес одного психиатра, желавшего побеседовать как со мной, так и с моим отцом и Филиппом.

Посещение нашего старого домашнего врача да-

лось мне тяжело, так как он знал меня с детства. Я знала, что справку я смогу получить только прибегнув ко лжи, а поэтому я соврала, что Филипп обманул меня, что я никогда не хотела иметь от него ребенка и никогда не хотела выйти за него замуж.

Я получила справку.

Солнечным апрельским днем мы с Филиппом и моим отцом поехали в Мюнхен на психиатрическое обследование.

Сначала в кабинет позвали меня. Я снова говорила о Филиппе только отрицательное и в особенности подчеркивала, что мне хотелось продолжать учебу, чтобы получить профессию. Филипп слишком примитивен для меня по своему уровню развития, и я никогда больше не хотела иметь с ним дела.

Когда подошла очередь Филиппа, он подчеркнул, что ни в коем случае не хочет быть привязанным ко мне, и эта любовная история для него так и так кончена.

Последним вышел из кабинета отец, но он ничего не желал говорить о своей беседе с психиатром. Было ясно, что его вынудили играть роль, которая ему была крайне противна. Только позднее он рассказал мне о доводах психиатра: Филипп и я настолько разны по характеру, что счастливая связь исключена, и, кроме того, у него сложилось впечатление, что Филипп – ненадежный, легкомысленный человек. Мне обязательно следовало учиться, чтобы получить аттестат.

Результатом нашей лживой игры явилось то, что мне выдали необходимую справку от психиатра.

Через несколько недель, наконец, дело дошло до

главного. По требованию врача, который должен был делать аборт, я поехала с Филиппом в Мюнхен – ничего не евши, с сердцем, наполненным страхом.

Филипп доставил меня к врачу. Старая, неприветливая медсестра привела меня в пустую выбеленную комнату и сказала, чтобы я раздела одежду, оставшись только в рубашке, и ожидала. Затем она оставила меня одну.

Я стояла, дрожа от холода и страха. „О Боже! Помогите мне! Я не могу иначе!“ – молилась я перед совершением самого тяжкого греха в моей жизни.

Мне показалось вечностью, пока, наконец, пришел врач – старый, суровый человек. Он сделал мне укол, который должен был утомить меня. Но укол не действовал, и я дрожала всем телом, меня сводила судорога. По моему лицу врач видел, что я боялась. Но, наконец, все было позади.

Перед тем, как войти во врачебную практику, Филипп просил, чтобы я поинтересовалась, был бы это мальчик или девочка. Несмотря на то, что мне неприятно было задавать этот вопрос, я все же спросила врача. Единственным ответом был брошенный на меня укоризненный взгляд старого человека. Только в эту минуту я осознала, что если спрашиваешь об этом, то речь идет о человеке.

Мне было плохо.

Врач, как мне показалось, с презрением отнесся ко мне. Но разве я заслужила лучшего? Я хорошо понимала его. После операции мне нужно было два часа лежать на кушетке. Затем Филипп приехал за мной и уплатил, согласно договору, 900 марок. Я все еще не отошла от наркоза, и на лестничной клетке

потеряла силы. Филипп притащил меня к машине, и меня стало рвать.

После этого об аборте не упоминалось.

Но он повредил моей душе и телу, так что пришлось лечиться и предпринять выскабливание.

Физически я снова окрепла, но морально мне пришлось претерпеть еще много мук.

Через три года после этого аборта – тем временем мы были помолвлены – я снова хотела сделать перерыв в приеме таблеток. Ведь я хотела потом иметь детей. Я очень любила детей и мечтала о том, чтобы когда-нибудь, попозже, у нас была большая семья. Это „позже“ наступило раньше, чем мы ждали. Я снова забеременела, хотя и не окончила еще своего обучения, но уже ни в коем случае не хотела делать аборт.

Мы с Филиппом поженились и переехали в небольшой город. В конце лета у нас родился здоровый мальчик.

Первую ночь после родов я была несказанно счастлива. Я не думала о сне, и только от всего сердца благодарила Бога!

В первые месяцы ребенок доставлял нам очень много радости.

Но однажды мне в руки попался журнал, в котором сообщалось о том, как жестоко матери и отцы обращаются с детьми, а некоторые дети даже становятся жертвами своих родителей.

На меня напал панический страх! Чем я была лучше этих родителей?

Разве я не убила своего ребенка? Разве я не убийца?

На меня напал страх перед самой собой, я увидела себя в свете, в котором никогда не видела раньше. У меня наступило отвращение к самой себе. Нормальна ли я? Могла бы я еще раз сделать подобное?

Моя жизнь вдруг изменилась. Я смотрела на себя как на детоубийцу, я была в каком-то дьявольском кругу докучавших меня мыслей, лишавших меня радости, любви и жизнерадостности. Начались депрессии, я боялась долго оставаться одна. Прежде всего, я не хотела быть ночью одна со своим ребенком.

Я панически боялась, как бы не сделать больно своему любимому ребенку или не сделать что-нибудь с собой. Совсем плохо было то, что я не могла больше радоваться, смеяться, чувствовала себя нелюбимой и считала, что я не заслужила любви.

Филипп, естественно, заметил происшедшие во мне перемены и приписал все тому, что я была слишком обременена ребенком и хозяйством. Поэтому он старался предпринимать со мной поездки, чтобы я могла рассеяться, и предлагал мне как можно больше разнообразия.

Это было очень беспокойное время в нашей жизни, когда мы не упускали возможности отпраздновать то или иное событие и отвлечься алкоголем. Таким способом я пыталась успокоить свою совесть и прогнать страх. Но он снова подстерегал меня и нападал на меня, как только я оставалась одна. Поэтому я предпринимала все возможное, чтобы не оставаться одной. Когда моему мужу по долгу службы приходилось ночевать вне дома, я уговаривала свою подругу, чтобы она ночевала у меня.

Такое состояние длилось два года, пока у меня не

появилось желание иметь второго ребенка. Может быть, тогда я не буду так предаваться своим мыслям.

Через два с половиной года после рождения нашего сына у нас появилась маленькая девочка. Насколько счастлива я была при рождении нашего сына, настолько несчастна была я, когда родилась дочь. Возможно, это объяснялось тем, что мне пришлось делать кесарево сечение и я была серьезно больна.

Через две недели пребывания в больнице мы с дочерью были снова дома. Мой сын, за которым присматривали родители мужа, очень радовался, я тоже снова могла радоваться!

Малышка и наш очень бойкий сын требовали много времени. Но через несколько месяцев все стало по-старому. Страхи вернулись, еще больше, чем раньше.

Я часто сидела без дела, думая о себе и своей вине. Я боялась сойти с ума. Никому, даже своему мужу я не рассказала об истинной причине моих страхов. Я подумывала пойти на прием к психиатру, но знала, что я не скажу ему истинную причину своих депрессий.

Мой домашний врач прописал мне Psychopharmaka. Я попробовала это средство – оно помогло. Страх как рукой сняло – только я чувствовала себя несколько заторможенной. Поскольку я считала, что из-за этого медикамента могу потерять свою личность и самоконтроль, я перестала принимать его.

Примерно в это время мы начали строить на нашей родине свой дом. Это длилось 10 месяцев:

строительство занимало все время. Я неохотно рассталась со своими новыми друзьями, однако, перспектива жить в новом доме с садом и утешение, что родители совсем близко от меня, облегчили переезд.

И тут началось самое тяжелое время. Наш дом стоял одиноко в новом районе, и сыну не с кем было играть. Мужу приходилось уезжать в командировки на несколько дней, так что мои депрессии участились. Иногда я не могла ясно мыслить.

В этой скорби я начала молиться Богу. Моя религиозная жизнь, потерпевшая крах за последние годы, вновь оживилась. Я снова регулярно ходила в церковь. Но и там я испытывала страх, что могу вдруг невольно закричать.

Затем наступил вечер, в который я сквозь слезы поведала Филиппу все свое горе, ибо я уже выбилась из сил. Он обнял меня и пробовал успокоить. Он предложил, чтобы я снова взялась за какую-то работу, чтобы отвлечься, но я знала, что это поможет только на короткое время.

Однажды, через своего сына, посещавшего теперь детский сад, я познакомилась с матерью одного из его новых друзей. Она была убежденной христианкой и сказала мне, что может предложить мне кое-что для чтения. Так как я с радостью согласилась, вскоре после этого она принесла мне книгу „Иисус – наша судьба“ пастора Вильгельма Буша из Эссена.

Эта книга привела меня к Иисусу Христу.

В Нем я познала Того, Кто умер на кресте за мои грехи, включая аборт. Я познала Сына Божьего, верного и справедливого, прощающего наши грехи, когда мы раскаиваемся в них. Я познала Того, Кто

делает все новым. Не на основании наших дел, а по Своей милости!

Он был моей помощью и спасением. Всю свою вину и свои страхи я предала в Его руки. Это не было „исповедью“, какую я практиковала раньше. Это было прощение грехов, которое освобождает. Я приняла решение предать свою жизнь Господу Иисусу. Он стал для меня путь, истина и жизнь! Только через Его избавление я смогла преодолеть все и нашла путь к Богу.

Исполненная радости, я теперь читала и изучала Библию, потому что я все хотела знать. Бог помог мне понять Его слово и принять его в детской простоте. Я предала свою жизнь – все мои мысли и мечты, все мои слова и поступки – в Его руки. Я просила Его водительства, и, верный Своему обетованию, Он выполнил мою просьбу.

Но через несколько лет моя вера в Иисуса Христа была подвергнута испытанию: я заболела раком.

Еще до того, как был поставлен точный диагноз, я отгоняла страх мыслью о том, что только недавно прошла профилактическое обследование на рак. Я всецело доверилась Богу. Я была Его дитем и знала, что Он защитит меня от всего неуютного.

Со времени моего обращения у меня выработалась привычка начинать день с молитвы и чтения Библии. В своих молитвах я приносила пред Бога всех тех, кого любила и которые нуждались в моих молитвах, благодарила Его за доброту ко мне и просила Его заговорить теперь ко мне через Его Слово. В большинстве случаев я читала две страницы из Ветхого Завета и по меньшей мере четыре главы из Нового Завета.

Однажды утром я читала из Ветхого Завета что-то про болезнь – к сожалению, я сейчас не помню этого места – и у меня сложилось впечатление, что Бог напоминает мне, чтобы я сходила на прием к врачу. Я отложила Библию в сторону, позвонила своему врачу-гинекологу и мне было велено прийти на прием на следующее утро.

После обследования врач сказал, что опухоль, которая причиняла мне боль, следует в любом случае удалить, хотя он и не считает ее злокачественной. Мне нужно поговорить с мужем и подумать, где пройти операцию. Борясь со слезами, я ушла от врача и поехала к своему домашнему врачу.

С Филиппом я не могла говорить, потому что он на несколько дней уехал в командировку за границу, а по телефону я не хотела говорить о своих опасениях.

Домашний врач ясно сказал мне, что если опухоль окажется злокачественной, придется сделать операцию. Я вполне понимала возможность заболевания раком. Я пошла домой, упала на колени и настоятельно просила Бога помочь мне, охранить меня и не покидать.

Через три дня из командировки возвратился Филипп. До этого я ни с кем не говорила о своей болезни. Мне стало легче, когда я все рассказала ему, и уже на следующий день мы договорились о сроках в больницах, куда нам посоветовали обратиться. В первой клинике главный врач на 90% считал, что опухоль доброкачественна и что мне следует прийти через 4 недели, когда он вернется из отпуска и прооперирует меня.

Меня вовсе не устраивало, что я еще четыре неде-

ли буду вынашивать свои страхи. Поэтому мы поехали в другую клинику. Главный врач приложил немало усилий, чтобы объяснить нам ситуацию. На его вопрос, когда я решусь на операцию, я ответила решительным „сейчас“. Операция должна была состояться через день.

Когда я вечером сообщила детям, что мне предстоит лечь в больницу, они очень расстроились, так как раньше ничего не знали о моем заболевании. Дочь расплакалась, и мне долго пришлось ее утешать. Мы вместе помолились, и это помогло как мне, так и им. Перед отъездом дочь сунула мне в руку два письма. Одно я должна была прочесть до операции, а другое – после.

Я пришла в клинику спокойная, прошла необходимые исследования и совершила еще одну прогулку. Все это время я почти непрестанно молилась. Это не были неотступные просьбы о выздоровлении, но доверчивая молитва в сознании того, что любящим Бога все содействует ко благу. Что бы ни случилось, все было в Божьих руках. Я знала, что могу вполне довериться своему Господу, и это сознание придавало мне спокойствия и даже делало меня счастливой.

В моей комнате были еще две больные: одна турчанка, а другая – женщина моего возраста. Перед сном я еще долго читала Библию, затем я провела спокойную ночь и проснулась утром без всякого страха перед тем, что меня ожидает.

Не испытывать страх перед операцией – это было для меня чудом, так как даже укол мог нагнать на меня страх. Прежде чем меня увезли в операционную, я прочла письмо дочери. Она писала, чтобы

я не волновалась, потому что она „очень“ молится обо мне, будет посещать меня и не будет ссориться с братом. Она очень любит папу и в моем отсутствии будет все содержать в порядке. В свои десять лет она действительно доставила мне этим письмом большую радость.

В хорошем расположении духа, доверившись моему Господу, я очутилась в операционной. Относительно длительности операции врач сказал, что в случае злокачественной опухоли операция продлится полчаса, а в противном случае потребуется около двух часов.

Когда я снова медленно приходила в себя после операции, я услышала, как кто-то сказал время. Я пробыла в операционной более двух часов. У меня был рак!

Несмотря на то, что я все еще была под наркозом, я заметила, что не смогла сдержать слезы, и кто-то все время нежно вытирал мне лицо мягким платком. Я узнала, что это была женщина-турчанка из моей комнаты. Этот добрый жест я никогда не смогу забыть.

Когда я совсем проснулась, Филипп тоже стоял у моей кровати. И для него это был тяжелый удар, и я чувствовала, что ему хочется помочь мне своей любовью. Через эту болезнь Бог подарил нам испытание нашей любви. Мы были близки друг ко другу, как никогда раньше. Уже по телефону Филипп чувствовал, что он был мне нужен, и часто посещал меня по два раза в день.

Тем временем я прочла и второе письмо своей дочери. Это тоже было очень милое письмо, под которым подписался и наш мальчик, и я знала, что

они оба очень скучают по мне, а поэтому мне хотелось, с Божьей помощью, скорее быть снова с ними.

Во время моего пребывания в клинике я, как никогда в моей жизни, почувствовала проявление любви от окружающих меня людей. Медсестры тоже трогательно заботились обо мне, и я чувствовала большую благодарность. Посетителям, приходившим ко мне, я могла говорить о любви Божией, о том, как Он избавил меня от страха, как вел меня все это время и явил Себя добрым, милосердным Богом. Иногда я переживала прямо-таки сверхсчастливые минуты, так что сердце было исполнено хвалой и благодарностью.

Спустя две недели меня выписали из клиники. За время своего пребывания там я проинформировалась о возможных методах лечения рака. Все свои решения, будь то выбор врача или способ лечения, я приносила вначале Богу. Я уповала и уповаю только на Него и хочу исполнять Его волю, каким бы путем мне не пришлось идти.

Дома меня встретили с такой любовью, будто я уже очень долго отсутствовала. Дочь нарисовала в честь моего прихода картину и вместе с братом украсила квартиру. Я чуть ли не болезненно принимала эту любовь домашних.

Через неделю я уже поехала на первое облучение. Оказавшись одна в помещении под кобальтовой бомбой, я все равно не чувствовала себя покинутой. Господь был со мной, я знала это, и иногда мне хотелось петь песнь хвалы.

Мое будущее в Божьих руках, и когда меня беспокоят страхи и мысли, тогда я вспоминаю милости Божии и прошу Его о прощении за то, что в труд-

ные минуты у меня бывает искушение поступать так, будто Его нет рядом, Его, Который явил мне столько любви.

„Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем“ (Рим. 8,38-39).

10 лет в плену сатаны

Из громкоговорителя доносятся хриплые, нестройные звуки „дахау блюзов“. Из одной фигуры Будды поднимается густой дым курящейся палочки, распространяя вокруг сладковатый смолистый запах...

Бросая сегодня взгляд на этот день десятилетней давности, я вспоминаю все то, что годами составляло смысл моей жизни или, вернее лишало жизнь смысла.

Shilom, наркотики, буддизм, „дахау-блюзы“ символизировали духовное и физическое изнасилование, которому я был годами подвержен, находясь в плену сатаны.

Происхождение, без сомнения, тоже оказало влияние на мое развитие. Родители только назывались христианами, а вся родня была не только верующей, но и суеверной. Бабушка обращала внимание на крики птиц, раскладывала карты и толковала сны, а ее сестра занималась черной магией. Поэтому неудивительно, что мать переняла много суеверия от бабушки, а я с детства был предоставлен этим зловещим, нездоровым влияниям.

О христианстве мне были известны сказки, которые не рассказывают даже маленьким детям. Когда я, например, один раз спросил мать, почему вечером небо иногда бывает красным, я услышал: „Младенец Христос и ангелы пекут к Рождеству печенье!“ Тогда мне казалось это очень интересным, и я горел желанием заглянуть за этот красный занавес.

Когда затем приближалось Рождество и накануне Святого вечера я стоял у закрытой двери гостиной, я все же, несмотря на предупреждения о том, что это опасно, пробовал заглянуть в скважину, чтобы увидеть таинственного младенца Христа за работой. Когда мне позднее было позволено войти в гостиную, на мой вопрос, где же младенец Христос, мне объясняли: он только что вылетел через окно! Как мне хотелось тогда увидеть эту таинственную личность!

Спустя семь лет, когда мне было примерно 12, я впервые серьезно встретился с Иисусом Христом. Наш учитель религии, искренний христианин, очень много рассказывал нам из Библии, так что я чувствовал большую симпатию к Иисусу Христу. Тот же учитель организовал для нас, мальчиков, домашний кружок изучения Библии, который мы регулярно посещали. В то время я с большой радостью воспринимал слово Божие, оно утешало меня и помогало мне переносить очень трудное положение в доме родителей. Отец был пьяницей, а поэтому в нашей семье был постоянный скандал. К сожалению, вскоре учитель переехал из Леопольдсхое в Каллетал, так что я потерял с ним связь, а наш кружок распался.

„Ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его“ (Мат. 13,19).

В то время я очень нуждался в поддержке слова Божьего, но я не знал ни одного христианина, к которому мог бы обратиться. Семя слова Божьего, павшее в мою душу, было заглушено, а вместо него во мне росло и разрасталось нечто другое, нездорово-

вое. Я стал проявлять большой интерес ко всему таинственному. Уже тогда, когда я еще посещал домашний библейский кружок, я буквально „проглотил“ книгу о суеверии, найденную в библиотеке своего учителя. Все сообщения на эту тему, появлявшиеся в газетах, также интересовали меня.

Вначале этот урок едва ли имел какие-то последствия для моего непосредственного окружения. Но по прошествии двух лет, когда мне было около 14, это семя дало всход. Я стал очень агрессивен по отношению к любому виду авторитета и восставал против него. К тому же, я нашел „друзей“, находившихся в гимназии под влиянием марксистской идеологии и имевших отношение к распространению наркотиков. Так я впервые столкнулся с революционными взглядами.

Это было время, когда обывателя можно было шокировать длинными волосами; время, когда появился Янис Йоплин со своим стихом об „интенсивной любви“, когда Джими Хендрикс, под воздействием наркотика ЛСД, обрабатывал струны своей гитары языком и приводил этим самым в экстаз тысячи людей. Это было время наступления гашиша, и все это, словно огромный вал, обрушилось на нас, молодежь, и многих унесло с собой, сорвав с семейного и общественного якоря.

Мы систематически встречались в конце недели, разбивали палатку, подражая необузданной жизни наших идиологов. Мы пьянствовали, занимались сексом, слушали рок-музыку и вели бесконечные дискуссии.

Несмотря на то, что мы воображали, будто обрели настоящую свободу, с течением времени мы поняли, что такая жизнь только заглушала, но не

решала ни единой проблемы. Поэтому через несколько месяцев наша группа распалась.

Осенью того же года я познакомился с одним хиппи, от которого уже на расстоянии было видно, что он наркоман. Я упросил его дать мне немного гашиша, и через несколько минут я уже курил свой первый shilom. Начиная с того дня я в течение 10 лет был привязан к наркотикам, и, одновременно с этим, я очень заинтересовался восточной философией.

Только позже я пришел к выводу, что наркомания и оккультизм тесно связаны друг с другом. Но тогда противник Бога в такой мере ослепил меня, что я пошел на все то, что есть мерзость пред Богом (Втор. 18,10). Началось рабство, продолжавшееся годы.

Все, что я отныне делал, я безмерно преувеличивал. Поскольку материальные цели и ценности уже не удовлетворяли меня, моей целью стало разрушить все общественные нормы и формы. Я с презрением, свысока смотрел на людей, пойманных на удочку и ослепленных материализмом, тогда как считал, что я нашел истинный смысл жизни в азиатских религиях и наркомании.

„Человек не властен над духом, чтобы удержать дух, и нет власти у него над днем смерти“ (Еккл. 8,8).

Я также верил, что нашел, наконец, путь к внутреннему спокойствию и истинной любви. Мне твердили, что если я буду теперь усердно практиковать йогу и медитацию и жить по основам этого учения, то мир и любовь сами водворятся во мне. Но наступило нечто совсем обратное: я становился все более

неспокойным и эгоистичным. Следствием этого явилось то, что я стал страдать от сильных депрессий.

Но и в это время Бог еще раз встал на моем пути. Один из моих друзей, бывший делец, вручил свою жизнь Господу Иисусу. Он совершенно открыто засвидетельствовал нам об этом и радостно говорил нам о любви Божией. Он также пригласил меня и моего друга Густава в кружок, который он посещал. Мы последовали приглашению, но договорились, однако, ответить на гостеприимство насмешками и каверзой. К сожалению, тогда этим милым христианам не удалось опровергнуть наши аргументы. При всей своей любви и усилиях, противопоставленных нам, они не справились с нами и затем агрессивно реагировали на наши провокации, что вызвало с нашей стороны еще больше насмешек в их адрес. Относительно меня у них было твердое мнение: „Ты никогда не будешь спасен, но погиб навечно!“ Как хорошо, что любовь и терпение Божие больше, чем любовь и терпение Его последователей!

Но я стал так страдать от депрессий, что принял решение положить конец моей бессмысленной жизни. Не найдя другого выхода, я сел, написал прощальное письмо, в котором я также завещал свое небольшое имущество оставшимся друзьям, раздобыл соответственно большую дозу снотворного и так назначил день и час своего запланированного самоубийства, чтобы меня не сразу же обнаружили. По человеческим понятиям, было невозможно помешать моей смерти, настолько тщательно все было продумано.

„Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня“ (Ион. 2,6).

Когда я снова пришел в себя, у моей кровати сидела мать. В день, на который я назначил свое самоубийство, у нее тоже были сильные депрессии, так что ее отпустили с работы и велели идти домой. Так как я заперся в квартире, владельцу дома пришлось взломать дверь, и тогда испуганный взгляд матери пал на меня, лежащего в своей блевотине.

Было ли совпадением то, что в тот день мать пришла домой раньше, что тут же оказался хозяин дома, что быстро приехала скорая помощь? Если бы мать пришла на полчаса позже, то, по мнению врачей, меня уже не было бы в живых. Мое единственное воспоминание об этом часе: впечатление абсолютной пустоты и черноты.

„Есть пути, которые кажутся человеку прямыми; но конец их – путь к смерти“ (Пр. 14,12).

В конце 1973 года я переехал в коммуну, считая, что там скорее осуществляются мои цели. Дело, задуманное, в общем-то, совсем неплохо, кончилось полным хаосом. Хотя мы и кричали во весь голос о любви, мире, свободе, но у нас не было и намека на все это. По той причине, что мы выбросили за борт все правила морали, ничто больше не стояло на пути к эгоистическим стремлениям. Поэтому коммуна служила лишь удовлетворению запросов своего „Я“. Библия очень удачно описывает наш тогдашний стиль жизни:

„Прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси“ (Гал. 5,19-20).

Через два года такая жизнь мне настолько опротивела, что, совершенно разочарованный, я выехал оттуда. Я снова подался на поиски альтернативы, в которой бы осуществились мои мечты о жизни, полной любви, мира и свободы. Когда я познакомился с учениками харе-кришны, я думал, что достиг цели своих мечтаний.

Во время одной поездки я решил стать монахом-кришной. Я был настолько убежден в правильности этого решения, что раздарил все свое имущество и переехал в храм движения харе-кришны, готовый выполнять все суровые правила.

Мой день выглядел примерно так: подъем в 3 часа утра, холодный душ, 3.30-4.00 – медитация, 4.00-4.30 – поклонение божественным повелителям и языческим идолам, 4.30-6.00 – медитация, 6.00-7.00 – изучение Бхагавад Гита и Бхагатавама, 7.30 – завтрак, 8.00-18.00 – работа в храме и, наконец, снова медитация, поклонение идолам, занятия. Все мое имущество состояло из 12 метров ткани („Dothi“= инд. одеяние), пары сандалий, молитвенной цепочки и спального мешка.

Но длительные медитации, поклонение идолам и изучение писаний не смогли успокоить мое сердце.

После некоторого времени я покинул храм, но часто, однако, возвращался туда. Моя жизнь курсировала между храмом и средой наркоманов. И все-таки я научился обращаться с реальностью и силами оккультизма и распоряжаться ими.

Сначала я гордился тем, что владею этими разрушительными силами. Но вскоре я стал подвержен необъяснимым приступам страха. Я постоянно подвергался нападкам демонических сил. Независимо от того, находилось ли мое тело под воздействием

наркотика или нет, мне всегда чудились видения, я видел цвета и огни. Мой характер изменился в отрицательную сторону, я стал бездушным и холодным, но мой мистический образ мышления всегда оправдывал все мои негативные поступки. Чтобы вынести такое состояние, я принимал все большие дозы наркотика.

В 1977 году в Детмольде я познакомился со своей будущей женой. Она была выходцем из среды наркоманов и тоже интересовалась йогой. После многих и долгих бесед я убедил ее в том, что путь ученика кришны, то есть „бакти-йоги“ („Йога – самоотречение любящего„), является единственно правильным. Мы бросили работу, раздали все, что имели, и отправились жить в храм. Ульрике и я намеревались пожениться и жить в замке Реттерсхоф-Кенигсштейн – тогдашнем опорном пункте секты.

Но не прошло и нескольких дней, как я заметил, что там нас намеревались не поженить, а разлучить. Я должен был ехать в храм в Цюрих, а Ульрике должна была оставаться в Кенигсштейн. Эта попытка разлучить нас привела к тому, что я впервые взглянул на эту секту критическим взглядом. Я вдруг заметил очень много отрицательного, особенно, как ужасно там обращались с женщинами. С точки зрения индуизма, женщины стоят еще на более низкой ступени, чем животные. Со „святой коровой“ обращаются лучше, чем с женщиной. Им давались в пищу только остатки еды, им приходилось выполнять всю самую грязную работу и до самой ночи шить одежду для идолов. Так как мы вставали уже в 3 часа утра, это было для них очень тяжело. Замужним женщинам приходилось еще хуже: их мужья обращались с ними практически

как с племенными животными во свидетельство об „освященных Богом“. Когда дети достигали 4-6-летнего возраста, их забирали от матерей и посылали в храмы Америки или Индии. В большинстве случаев, это было расставанием на всю жизнь. Я никогда еще не видел столько подавленных, униженных женщин, как там. Несмотря на эти ужасные жизненные обстоятельства, они не находили в себе сил освободиться от такой жизни.

Когда у меня открылись глаза на все это, я хотел уговорить Ульрике покинуть храм вместе со мной. Но она уже так прочно сидела на крючке этой религии, что не решалась сделать это, и я ушел один. Через несколько дней я попытался уговорить ее еще раз, но безуспешно. Священство выдворило меня из храма.

С этого дня во мне росло сомнение по отношению к восточным религиям. Я очень страдал от разрыва с Ульрике, был духовно надорван.

В своей великой скорби я вспомнил о Господе Иисусе Христе, о Котором я часто слышал в ранней юности. Я молился: „Господь Иисус Христос, если Ты действительно Господь, единственный путь и истина, покажи мне это и верни мне Ульрике!“

Через несколько дней Ульрике была снова со мной. Но она хотела остаться только с условием, что мы будем регулярно вставать в 3.00, чтобы медитировать и соблюдать „Гуру-Пуйя“ (поклоняться Гуру).

Чтобы снова не потерять Ульрике, я согласился и опять принялся за медитацию, которая, однако, уже не оказывала на меня прежнего воздействия. Но, к моему большому опасению, она вызывала у Ульрике серьезное состояние транса.

Однажды в воскресенье мы пошли прогуляться, и я признался Ульрике, что после того, как Господь Иисус ответил на мою молитву, я желаю следовать за Ним и хочу порвать теперь со всеми сатанинскими связями, к которым привели меня восточные религии.

Ульрике выросла в христианской семье, в какой-то степени знала Библию и понимала, что ей следует перестать заниматься медитацией и тому подобными вещами. Но сатана не желал так легко отпустить ее. Уже во время этой прогулки она вдруг почувствовала слабость. Дома она впала в транс, ее мучили ужасные видения, она билась головой о радиатор отопления. Я держал ее и громко взывал к Господу, и ОН услышал меня. Через несколько минут ее рассудок прояснился. С того дня Ульрике, как чумы, сторонилась этой философии и религии, но еще много лет ей пришлось страдать от последствий всего этого.

Как же обстояло дальше дело со мной? Был ли я спасен? Нет, тогда я еще не пережил полного обращения к Богу. Несмотря на то, что я уже не медитировал, не прикасался к индуистским книгам, я все еще принимал наркотики и слушал одурманивающую музыку. Это, а также чтение соответствующих книг снова затягивало меня в область оккультизма. Со временем во мне стало расти чувство недовольства. Хотя в среде наркоманов и говорилось о любви, свободе и мире, мы обманывали и предавали друг друга.

Однажды мне все это надоело. Я пошел в уголовную полицию и „исповедался“. Следствием этого было то, что вскоре полиция смогла конфисковать 42 килограмма гашиша, и мои бывшие друзья, дол-

гие годы говорившие о свободе и терпимости, доказали, естественно, свою „терпимость“ тем, что вооружались ко мне и жестоко меня избивали.

Тем временем мы с Ульрикой поженились, и некоторое время мне удалось воздержаться от принятия наркотиков, пока я не пристрастился к алкоголю. Хотя я уже несколько лет не работал, мне все же удалось найти себе работу. Но поскольку мой организм был значительно ослаблен приемом наркотиков – я весил всего 54 килограмма – сделанная работа за фанерным прессом стала для меня мучением. Необходимость изо дня в день выполнять одинаковые приемы по 8 часов в день привела к тому, что вечером я приходил домой полностью разбитый. Так как я уже не хотел прикасаться к наркотикам, я пристрастился к алкоголю, чтобы расслабиться физически и духовно.

Сначала, пока я не сменил работу, я пил умеренно. В соседнем провинциальном городке я нашел место наладчика станков и приступил к работе в надежде, что избавился от монотонной работы на конвейере. Но спустя несколько месяцев, когда чувство новизны прошло, эта работа мне тоже наскучила.

Однажды, когда у одного из моих товарищей по работе был день рождения и по этому поводу по кругу пошла бутылка, я глотнул лишнего. Но что удивительно, под воздействием алкоголя я смог быстро справиться с работой, исчез душевный гнет.

Это окрыляющее чувство так понравилось мне, что теперь я ежедневно покупал „бутылек“ и выпивал его на рабочем месте. Сначала это количество спиртного устраивало меня, пока организм не привык к нему. Но затем потребление мною алкоголя увеличилось, спиртное стало разрушительным ядом

не только для моего тела, но и для характера. Под влиянием алкоголя я стал заносчивым, эгоистичным и лживым.

Когда я сегодня вспоминаю то время, тогда мое тогдашнее поведение напоминает мне небольшую историю, в которой очень удачно описывается действие алкоголя:

Мышь пошла в подвал и вдруг оказалась перед лужей вина. Сначала она понюхала его, затем сняла пробу. Потом она зашла в лужу передними лапами и, наконец, стоя в ней, жадно пила. Под конец она вывалялась в вине, и едва держась на ногах, стала взбираться по лестнице, хвалясь: так, а теперь я могу потребовать отчета у кошки!

Этот рассказ наглядно показывает, как алкоголь устраняет препятствия и страхи. К примеру, как-то раз, будучи пьяным, я выкопал за нашим домом яму и развел в ней огонь. Затем я уселся рядом и до поздней ночи пил. Примерно в 2 часа ночи дрова у меня кончились, поэтому я, не раздумывая, пошел в кухню, взял деревянный стул и сжег его. Так как сидение стула было набито волосом, то скоро стало ужасно вонять жженым волосом. Через несколько минут бледная от ужаса жена стояла передо мной; почувствовав запах горелого, она подумала, что я упал в огонь.

Ульрике пришлось много натерпеться от моих выходок, к тому же, в это время умерла наша шестимесячная дочь, а в последующие годы вскоре после рождения у нас умерло еще двое детей.

Сегодня я благодарен Богу, что Он сохранил ее любовь ко мне, что мы вместе смогли перенести то трудное время.

Но сначала я все больше двигался вниз по на-

клонной плоскости. Когда я утром просыпался, у меня тряслись руки, выступал пот и т.д. Прежде чем есть, я должен был выпить несколько „бутыльков“ водки, что снова вызывало у меня рвоту. Положение было мучительным, организм требовал алкоголя, а с другой стороны, уже не был в состоянии перерабатывать этот яд.

Так как я уже больше не мог работать, я бросил свое занятие и искал выхода из положения. Сначала я обратился в больницу для прохождения стационарного курса лечения, но через несколько дней лечения я вновь запивал. Начался период, когда я то лечился, то снова запивал. Все мои усилия освободиться от власти алкоголя не приводили к положительным результатам.

Когда я окончательно выбился из сил, в дело снова вмешался Иисус Христос. Двое моих друзей из Леопольдское, Йорг и Хорст, обратились к Богу. Однажды я встретил их, и они оба радостно свидетельствовали о том, как изменилась их жизнь, и на основе Библии показали мне, чего мне не доставало.

Вдруг я понял, что Бог ждет от меня глубокого раскаяния и обращения к Нему. Библия безошибочно показала мне, как велика была моя вина перед Богом. Пораженный, я подвел итоги. Передо мной стояли мои грехи: оккультизм, прелюбодеяние, ложь, обман, грабеж, воровство, саморазрушение наркотиками и алкоголем и многое другое. Бог уличил меня. Его приговор за эти грехи был: смерть!

Но тогда Иисус Христос показал мне, также, что Он совершил для меня: ОН взошел за меня на крест, умер вместо меня, искупил мои грехи и воскрес! Я ожил:

„Верующий в Него не судится, а не верующий уже осужден, потому что не уверовал во имя едиnorodного Сына Божия“ (Иоан. 3,18).

Верую в Господа Иисуса Христа я получил вечную жизнь и сознание того, что мои грехи прощены.

Вскоре после этого вместе с Йоргом и Хорстом я поехал к одному христианину, чтобы поговорить с ним о моем прошлом, так как я все еще ощущал его гнет. Вместе с ним я еще раз признал пред Богом каждый из этих грехов в отдельности и при свидетелях дал слово никогда не повторять их.

И все же я должен признать, что такое прошлое не так-то легко перечеркнуть. Нанесенные раны заживают не так скоро, и противник Бога использовал любую возможность, чтобы расставить мне сети. Но Бог сильнее и помог мне освободиться от страсти к алкоголю.

Чудесное обетование из Иоанна 10, 27-29 является моим утешением и надеждой:

„Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их, и они идут за Мною, и Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей; Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех, и никто не может похитить их из руки Отца Моего!“

Поэтому я могу только благодарить Бога за все оказанные мне до сих пор милости и воздавать Ему хвалу.

„Безрассудные страдали за незаконные пути свои и за неправды свои; от всякой пищи отвращалась душа их, и они приближались ко вратам смерти. Но

воззвали к Господу в скорби своей, и Он спас их от бедствий их; послал слово Свое, и исцелил их, и избавил их от могил их. Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих! Да приносят Ему жертву хвалы, и да возвещают о делах Его с пением!“

Псалом 106, 17-22

СКОЛЬКО СТОИТ СЧАСТЬЕ?

Меня воспитали мать-одиночка и бабушка с дедушкой. Своего отца я никогда не знала, так как родители были вместе только три месяца, а потом они развелись.

О моем детстве много не скажешь кроме того, что все запретное особенно привлекало меня.

Когда мне было 12 лет, у меня уже был первый друг, а через два года я попала в среду наркоманов и впервые попробовала гашиш.

Над „старомодными“ взглядами матери и бабушки я только смеялась. Ночью моя мать часто озабоченно стояла у окна и ждала, пока ее дочь, наконец, придет домой.

Первая большая „любовь“ скоро прошла, и я искала другого человека, с которым я могла бы быть счастлива. Несмотря на то, что я была еще ребенком, я боялась, что если не испытаю в полной мере любви, свободы и т.д., то упущу все.

В то время как я все время отставала в школе, у меня, как и у других товарищей из нашего круга, развились большие способности к воровству. Нам доставляло удовольствие ходить в продовольственные магазины и возвращаться оттуда с карманами, набитыми водкой и сладостями.

И все же я была довольно шокирована тем, что однажды к нам заявила полиция и сообщила испуганной матери, что меня уличили в воровстве именно там, где я должна буду скоро работать ученицей.

В это время – а мне было все еще 14 лет – со мной случилось то, чего всякая девчонка боится больше всего. Мой друг оставил меня; меня угнетало одиночество, когда меня „обнаружили“ два иностранца, прикинувшие шансы и пожелавшие „позаботиться“ обо мне. Они сделали вид, будто хотят отвезти меня домой, но вместо этого привезли меня в какую-то комнату и закрыли за собой дверь. В своей наивности и легковерии я последовала за ними и теперь должна была нести унижительные последствия.

Я хорошо помню, что после этого и подобных переживаний я взывала к Богу о помощи. Но когда Бог слышал мои молитвы и протягивал руку помощи, я снова забывала Его и продолжала жить по-старому.

Когда в том же году меня снова оставил друг, я больше не желала переносить свои любовные разочарования и решила покончить с собой. Я запаслась 30 таблетками и проглотила их в надежде никогда больше не проснуться.

Но на следующее утро, испытывая головокружение и недомогание, я обнаружила, что я жива. Не обратив внимания на вид таблеток, я, к счастью, наглоталась менее опасных.

Когда мне исполнилось 15 лет, я почувствовала, что жду ребенка. С его будущим отцом я была в хороших отношениях и была уверена, что он является как раз тем, кто мне будет мужем на всю жизнь. Поэтому мы решили пожениться.

Мать настоятельно советовала мне немного воздержаться, пока мы не узнаем друг друга получше, и если необходимо, родить внебрачного ребенка. Но я пропустила этот совет мимо ушей: ведь, в конце

концов, мы знали друг друга уже четыре месяца, и я была уверена, что все будет в порядке.

В начале нашего молодого супружества все было нормально. После того, однако, как родился наш сын Дирк, все медленно, но верно пошло под уклон.

Причиной, конечно, было то, что вместо того, чтобы заботиться о ребенке, мы проводили вечера и конец недели вне дома, развлекаясь в клубах, дискотеках и подобных местах. Мы оставляли Дирка на попечении матери, а сами отправлялись утолять свой жизненный голод.

Меня мало беспокоило, что я все больше удалялась от своего ребенка, что он становился мне обузой. Я думала только о себе, о своей свободе, которую любила превыше всего.

Большого счастья мне это не принесло. Поскольку мною владело ненормальное чувство ревности – мужу не разрешалось разговаривать ни с одной девушкой – мы часто ссорились, а потому не прошло много времени, как я предприняла еще одну попытку самоубийства.

Жизнь уже не казалась мне такой ценной, сердце было словно сожжено ревностью, бунтом, возмущением.

На этот раз я более тщательно подобрала таблетки, но Бог наблюдал за моей жизнью. Муж нашел меня лежащей без чувств и позаботился о том, чтобы меня немедленно доставили в больницу, где после промывания желудка я пришла в сознание.

Разочарованная, подавленная, я через несколько дней вышла из больницы, чтобы снова податься в отчаянные поиски большого счастья.

Наш сын со временем стал для нас такой обузой, что мы отвезли его к моей тете. В своем эгоизме я

не думала о том, какие последствия это могло иметь для Дирка; я думала только о собственном удовлетворении, которое вскоре стало все больше стимулировать алкоголем и таблетками.

Однажды дело дошло, наконец, до того, что наш брак распался. Я влюбилась в турка, с которым мы познакомились во время многочисленных посещений трактира. Наконец-то, казалось мне, я нашла счастье моей жизни. Тот факт, что я оставила мужа и ребенка и растоптала чувства моей семьи, мало беспокоил меня.

Мой муж, который хотя и был неуравновешенным, делал все возможное, пытаясь вернуть меня домой. Но я не желала, и это привело к тому, что в своем смятении он крайне опустил. Он перестал работать, стал принимать наркотики, участвовал в драках и т.д.

Когда через некоторое время мой иностранный друг ничего не пожелал больше знать обо мне и мне стало известно, что на своей родине он уже был обручен с девушкой, я даже имела наглость обвинить Бога в том, что была так несчастна.

Даже тогда мой муж несколько раз пытался уговорить меня начать все сначала. Но несмотря на то, что мне было жаль его, мои чувства к нему умерли. Поэтому, испытывая только жалость к самой себе, я предприняла новую, неудачную попытку уйти из жизни.

Отныне, чтобы вынести трезвую реальность жизни, я нуждалась в наркотиках ЛСД и продолжала дальнейшие поиски любви и счастья.

Вскоре после этого я познакомилась с Хубертом, моим нынешним мужем. Во всех областях у нас были с ним одинаковые взгляды, за исключением

одного: он интересовался буддизмом, я придерживалась христианства. Хотя я и не хотела стать благочестивой, никто не мог переубедить меня в том, что Иисус Христос является Сыном Божиим и единственным Спасителем мира.

Здесь сказалось то, что еще в детстве я охотно читала детскую Библию. Я хорошо помню, как со слезами читала историю о распятии Иисуса. И хотя впечатление о смерти Сына Божьего потускнело, воспоминание во мне осталось.

После того, как мы год жили вместе, мы поженились. Хотя внешне наш брак казался счастливым, я снова не достигла удовлетворения, к которому так стремилась.

Где же найти счастье? Я испробовала все: алкоголь, наркотики, флирт, любовь, секс, и от всего остался только неприятный осадок. Неужели никто не может мне помочь? Моя чувствительность и отчаяние переросли в депрессии.

При возникновении малейшего разногласия во мнениях с мужем я чувствовала себя такой задетой, что сомневалась в его любви ко мне. Тогда я начинала упрекать его в этом, пока не возникала ссора.

После такой ссоры я часто думала: это конец наших отношений! Это был настоящий сатанинский круг! Чем больше я раздражала мужа своими утверждениями и обвинениями, тем больше я считала, что его раздражение означает, что он не любит меня.

Моему мужу было очень трудно со мной, к тому же я требовала от него, чтобы он освободил меня от моих депрессий. Он был моей последней помощью, единственной опорой. Сегодня мне ясно, что он доказал свою любовь ко мне именно тем, что не

бросил меня, несмотря на то, что я была столь невыносима.

Однако, в то время, как внутренняя пустота и безнадежность разъедали мою душу – даже систематическое употребление ЛСД не могло предотвратить этого – в мою жизнь начал вмешиваться Бог.

Однажды – это было незадолго до Пасхи – мы смотрели телефильм о страданиях Иисуса. Этот фильм глубоко задел меня. Как тогда, при чтении детской Библии, так и сейчас по моему лицу текли слезы. В моем сердце все перевернулось: я поняла, что только Распятый может прийти мне на помощь!

Следствием этого было то, что я заинтересовалась Библией и вскоре систематически читала эту старую, но всегда актуальную книгу. При этом я все больше осознавала, какой безбожной и грешной была моя жизнь.

Но что я могла поделать?

Я попыталась стать лучше. Я приняла решение жить, как настоящая христианка. Чтение Библии и молитву я уже практиковала, только в церковь я еще не ходила, потому что в нашем селе не было евангелической церкви. Но и это вскоре изменилось, так как мы планировали переехать в ту местность, где жила мать с моим сыном, которому тем временем было уже 5 лет. До сих пор мы могли навещать их только в конце недели, так как мы оба работали. Мне кажется настоящим чудом, что я тогда могла справляться с работой кассирши, будучи чаще всего под воздействием ЛСД.

Мой муж, хорошо относившийся к Дирку, был готов усыновить его, и после нашего переезда я твердо решила регулярно ходить в церковь, чтобы – как я тогда считала – стать настоящей христианкой.

Однако, посещение церкви так же мало изменило мою жизнь, как и все другие попытки жить похристиански. Удрученная, я пришла к выводу, что, несмотря на все свои усилия, я не проявляла ни любви, ни кротости. Хотя я и взывала к Богу о помощи, я оставалась вспыльчивой, принимала наркотики и впадала в депрессии. Мне все яснее становилась необходимость полного изменения через Иисуса Христа.

Решительный перелом наступил, когда мы как-то снова попробовали отказаться от курения. Как никак, а каждый из нас ежедневно выкуривал примерно по 40-60 сигарет, и все наши попытки прекратить это были безуспешны. Поэтому в этот раз я упорно молилась, чтобы Бог оказал нам Свою помощь.

Две недели все шло хорошо, пока не случилось следующее:

Мы обедали вне дома и выпили немного лишнего. Слегка возбужденные, мы возвращались домой, когда я затеяла ссору. Рассерженная, я убежала от мужа, и он один поехал поездом домой. Упрямая и злая, я ходила по улицам. Я обозлилась на все: на весь свет, на мужа, и даже начала упрекать Бога: зачем Он допустил эту ссору?

Охваченная жалостью к самой себе, я не замечала, что сама во всем виновата. Только успокоившись и пришедши в себя, я увидела свое поведение в другом свете. Теперь мне было жаль, что я так нехорошо обошлась со своим мужем. Где были мои добрые намерения, мое христианство? Я снова потерпела крах и не знала, что предпринять.

Внутренне я кричала о помощи и направилась домой в надежде, что все как-то снова встанет на свое место.

Было уже поздно, когда я подавленная вернулась домой. Мой муж уже спал, и я вдруг заметила, что он опять курил. Это меня потрясло.

Трудно описать, что во мне происходило. Для меня было так важно, чтобы мы отказались от курения, я так радовалась, что до сих пор все получалось. А теперь я сама все испортила! Меня тяготило чувство вины. Мне стало ясно: если сейчас ничего не произойдет, я приду в отчаяние.

Теперь я увидела себя другими глазами, не как человека, достойного сожаления, а как самую великую грешницу. На моей совести был не только этот грех, но и бесчисленное множество других.

Но не только свои злые поступки: мне стала очевидна моя злая суть, мое грешное состояние.

Исходя из своей вины и в сознании того, что от Бога невозможно ничего утаить, я в молитве излила свое сердце пред Господом Иисусом Христом и просила Его о прощении моих грехов. Я вручила Ему всю свою жизнь и просила Его быть отныне моим Господом. Я не хотела и не могла жить по-старому.

Еще во время молитвы я почувствовала, что Бог услышал меня. В моем сердце воцарился неведомый мне мир. Все, что до сих пор тяготило меня, весь гнет, вся боль – все вдруг исчезло. На мне буквально исполнилось обетование Иисуса:

„Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас“ (Мат. 11,28).

Когда я проснулась на следующее утро, глубокий мир наполнил мое сердце. Я радостно поблагодарила моего Господа, Чье присутствие я ощущала. То, что я пережила этой ночью, было ничем другим,

как тем, что Библия называет „обращением“ или „рождением свыше“; только до этого времени я не сознавала этого, потому что мало о том знала.

С этого дня моя жизнь обновилась. В сердце царилась радость, и мне казалось, что я самый счастливый человек на земле.

С этого дня у меня больше не было депрессий, я больше не чувствовала тяги к алкоголю и наркотикам. Я ни разу больше не закурила.

К моей большой радости, через шесть недель после этого мой муж тоже обратился к Господу Иисусу.

Он увидел большие изменения в моей жизни. Если ранее я была охвачена беспокойством, теперь он с удивлением констатировал, что мое сердце исполнилось необъяснимой радостью. Он видел, с какой радостью и увлечением я читала Библию, и думал: она или сошла с ума, или нашла истину!

Понадобилось немного времени, чтобы истина освободила и его от греха.

Наша личная жизнь, наш брак наполнились через обращение новым содержанием, получили новое направление. Если раньше мы непрестанно искали, где бы найти в этом мире побольше удовольствий, то теперь у нас появилось желание благодарить Бога своей жизнью. Его великая любовь и прощение произвели в нас желание сказать другим людям о том, что произошло с нами.

Чтение Библии показало мне, что – насколько это было возможно – мне следовало упорядочить вопрос насчет совершенных краж и т.д.

Поэтому я пошла к директору школы, где мы в день окончания ограбили кассу, прихватив с собой несколько томов словарей Дудена, во всем призна-

лась ему и расплатилась. То же самое я сделала, посетив те магазины, в которых мы воровали, а также призналась в совершенном воровстве на месте прежней работы. Все, кому я признавалась в своей вине, реагировали с удивлением и радостью, тогда как я с облегчением и благодарностью уходила после каждой беседы.

Теперь мы, естественно, искали общения с христианами, исполненными такой же радости и благодарности. Как само собой разумеющееся, мы искали этих христиан в церкви и были очень разочарованы, когда находили там людей, чье христианство основывалось на воспитании или на возложенных на себя правилах и традициях.

Некоторые из них были очень благочестивыми, но не радостными, поэтому им были несколько непонятны наше счастье и радость.

Позднее мы обнаружили небольшую миссионерскую общину. Эти скромные, но верные христиане с радостью приняли нас и в начале нашего пути в вере оказали нам большую помощь.

В 1980 году у нас появилась возможность переехать в Гуммерсбах, где мы познакомились с милыми христианами, недавно приехавшими из СССР, где из-за своих религиозных убеждений им пришлось пережить много страданий, гнета и преследований.

Хуберт усыновил моего Дирка, и теперь у нас родились еще два сына: Мануил и Самуил. Бог положительно изменил наше отношение к вопросу о деторождении, так что мы приняли их как подарок от Бога.

Нам хочется благодарить Бога своей жизнью за все незаслуженные блага и указать на Того, Кто за-

местительной смертью умер на кресте за нас, чтобы предложить всем людям прощение грехов, а тем самым мир и радость.

Водка играла не последнюю роль

Шел 1945 год. Вторая мировая война со всеми ее ужасами окончилась.. Следы этой войны, безнадежность, казалось бы, напрасные страдания, вопросы – почему и как жить дальше – все это занимало людей.

Вокруг развалины и хаос, не только в городах, но, прежде всего, в сердцах людей. Я хорошо помню, как часто слышал вокруг себя:

Как мог Бог допустить все это!

Несмотря на это, церкви вдруг снова стали полными – люди пытались найти ответ в религии.

Большую часть своего школьного периода детства я провел в бомбоубежищах, а потому это были годы, полные тревог и ежедневной борьбы за выживание. Хорошо помню следующий случай: вместе со своими друзьями я возвращался из школы домой, проделывая 7-километровый путь пешком, потому что транспортная связь была прервана. Вдруг над головой раздался рев штурмовиков. Мы почувствовали себя загнанными кроликами. Чтобы избежать выстрелов из пулемета, мы сделали крюк. Пришедши домой невредимыми, мы еще говорили: ну и повезло же нам!

Я также хорошо помню, что в те секунды, когда я спасался бегством, пытаюсь уцелеть, меня беспокоил вопрос: „А что случится, если меня сейчас убьют?“ Чем больше я потом дома размышлял над этим вопросом, тем больше всплывал другой: „А что же такое, в сущности, жизнь?“ Никто не мог

мне ответить на этот вопрос, ибо религия – особенно та, в которой вырос я – не могла дать мне на него ответа.

Тогда мне было 14 лет, то есть, я был в том возрасте, когда возникает много вопросов. Я жил с родителями в небольшом селе вблизи Кобленца на Рейне. Мой брат был еще в плену, и я видел, с каким нетерпением родители ждали его. Когда нам звонили, у них вырывалось: не он ли?

Мои родители были самыми хорошими родителями на свете, и я могу твердо сказать, что мы выросли в доме, в котором о нас проявлялось много заботы. Родители любили меня любовью, на которую только были способны. Мне больно, что позже я топтал эту любовь ногами.

Мне кажется, никакое поколение не стояло перед лицом смерти так, как наше. Поэтому понятно, почему в каждом из нас так проснулась любовь к жизни. После окончания войны возникла новая проблема выживания: голод. Несмотря на протесты моих родителей, я делал то, что все: тащил все, что „плохо“ лежало.

Сначала это меня беспокоило, но потом воровство стало для меня нормой. Так как среди ворованного были не только продукты, но и алкоголь, я уже рано познакомился с ним.

Таким образом, внутренне я все больше удалялся от своих родителей. Как, должно быть, им было тяжело, когда они видели, что их сын, на которого они возлагали определенные надежды, все больше вставал на путь преступления. Оказавшись на этой наклонной плоскости, я уже не мог остановиться.

Я попробовал немного притормозить, начав изучать экспедиторское дело. Но тут я попал из огня да

в полымя. Каждый день я имел дело с алкоголем: не проходило и дня, чтобы мне, как ученику, не приходилось ехать за водкой в винную лавку. Эту гадость пили стаканами, и я скоро заметил, что водка отполировывала мое воображение. Как только я выпивал, проблемы исчезали, и мир уже не выглядел таким мрачным. Вопрос о смысле жизни получал свой ответ в бегстве от жизни.

В состоянии опьянения – не имея, естественно, водительских прав – я наехал на дерево. Первой мыслью, когда я вылезал из машины, была: „Ну и повезло же!“ И все же тогда мне стало ясно, что дальше так не пойдет. Но обратного пути тоже не было.

Все вокруг меня было в погоне за деньгами. Я думал: надо делать деньги, за деньги ты купишь себе жизнь. А внутренний голос снова и снова твердил: „А что потом?“ Так передо мной шла палитра времени, до тех пор, пока я не доходил до грани: „Последний час моей жизни“. Ведь ясно, что он когда-нибудь наступит... И снова передо мной стоял вопрос: „А что тогда?“

Я быстро обнаружил, что находился в кругу, из которого не мог выбраться. Взрослые, окружавшие меня, не имели страха. Они только ругали так низко опустившуюся молодежь. Работа и труд – вот что составляло их жизнь, а потом все равно когда-нибудь придет конец. И сегодня еще на многих надгробных памятниках написано: „Он трудился для ближних“. Это можно было бы с успехом написать и на памятнике лошади. Поэтому мое решение было непреклонным: с меня хватит – я хочу жить, какой бы короткой жизнь ни оказалась.

Так называемая судьба заставила меня искать ответ на вопрос о жизни в религии. С большим вдох-

новением я увлекся римско-католическим мистицизмом. Всеми средствами – медитацией в монастырях, курением фимиама, буквально всем, что могло воздействовать на мои чувства – я пытался добраться до Всевышнего.

Я воздвиг себе религиозную лестницу, ступеньками которой служили мои добрые дела, однако внутренне я оставался не только пуст, но еще более надорван, превратившись в результате самобичевания в развалину самого себя.

Я пришел к выводу: это не жизнь! И так, где же жизнь? Не иначе, как в бьющей ключом жизни большого города. Не достигши и восемнадцати лет, я переселился туда. Чтобы хоть в чем-то соблюсти форму, я стал студентом академии международной торговли. Я выбрал важные для меня предметы, но не посетил ни единой лекции. В Академии меня видели только в день зачисления. Я нашел себе работу, с которой справлялся, по крайней мере, вначале.

Мои знания английского очень быстро помогли мне найти контакт с американскими военнослужащими. Тогда было много американских ночных баров, в которые можно было попасть только в сопровождении американских солдат.

Алкоголь был мне уже известен, в этих барах к нему прибавились наркотики, в том числе и марихуана – сравнительно слабый, но коварный наркотик. Чтобы приобрести его, нужны были деньги. Воровство тоже не было для меня чем-то новым. Новым для меня была только торговля наркотиками.

Со временем я так попался в эту сеть, что мне приходилось все время скрываться от военной полиции.

Днем я, по возможности, отсыпался, а вечером

отправлялся в бары. Ко всему прочему прибавился секс. И здесь я быстро обнаружил, что на этом можно сделать деньги, поэтому женщины интересовали меня не как объект моих вожделений, а как источник раздобыть деньги. Сейчас я считаю это самым ужасным преступлением, на которое может пойти человек.

Это грубая жестокая торговля рабами: человек становится товаром. Я скрупулезно обходил все установленные человеком правила, чтобы достичь только одной цели: денег.

Ночи стоили дорого. Много денег шло на „друзей“, которые требовались мне для прикрытия. У меня сложилось впечатление, что чем больше денег я получал, тем больше мне было нужно. Сатанинский круг, из которого не было видно выхода.

Но внутри моей души все кричало. Несмотря на все, что я мог себе позволить, несмотря на множество людей, окружавших меня, я был бесконечно одинок. Я ощущал грязь моей жизни.

Помню, как утром, возвращаясь из бара, я разыскивал баню, чаще всего у железнодорожного вокзала, чтобы смыть следы ночи. Прибегнув к хитрости, я снял квартиру, в которой с трудом можно было предположить проживание преступника. Для отвода глаз я переехал в дом Колпинга (заведение католического Ордена).

С 1950 года контроль полиции усилился, так как все больше полицейских участков во Франкфурте было передано теперь в руки немецкой полиции. Тут нам не раз пришлось сожалеть о тщательности немцев. Как и следовало ожидать, я становился все более известным полицейским кругам.

Со временем я потерял свои документы, источни-

ки денег прикрылись, долги возросли. Паспорт и студенческое удостоверение находились в различных ночных заведениях.

Меня искала теперь уже не только полиция, но и владельцы заведений. Какое-то время я смог скрываться в Бельгии, но и там я был недолго. После возвращения я с трудом мог показываться на улицах Франкфурта. Круги, в которых я теперь вращался, становились все более темными. Находясь во внешнем и внутреннем тупике, я хотел уже положить всему конец, когда один американский военнослужащий-повар предложил мне записаться в иностранный легион.

Я хорошо понимал, что это означало. Но я не видел другого выхода. Я все же написал домой письмо, звучавшее очень коротко: „Вы больше никогда не увидите своего сына“. Невозможно описать, каким ударом это явилось для моих родителей, да и для брата.

В доме Колпинга у меня оставались еще некоторые вещи, которые я хотел бы забрать. Я прокрался туда, но портье заметил меня и сказал: „Тебя ищут!“ Это не было для меня чем-то новым, но когда он добавил: „Тебе все время звонит твой брат“, я решил немного повременить с уходом.

По телефону брат пообещал мне помочь и переслать телеграфом крупную сумму денег. Этим самым брат хотел предотвратить мое поступление в иностранный легион. Что же я сделал после этого звонка? Я пошел в отель и, несмотря на то, что и там задолжал, заказал бутылку шампанского. Кельнер знал о моих долгах и не хотел мне ничего давать. У меня хватило еще нахальства пожаловаться на него шефу.

Через некоторое время я уже был на празднестве по случаю помолвки моего брата. Около 22 часов он привез меня на вокзал, но я не сел в поезд, а снова возвратился в такси на его квартиру, где продолжалось торжество. Я хотел удивить молодую пару; поставив чемодан возле двери, я вскарабкался по стене к веранде. Рывком я хотел подтянуться к балкону, но он был свежевывыт и скользок. Я упал оттуда в сад, стукнувшись позвоночником о камни, воткнутые в грунт.

Лишь только когда один из соседей сообщил моему брату, что у его двери стоит чемодан, меня начали искать и обнаружили в саду. Когда отец увидел меня лежащим там, он велел не задевать меня и вызвал скорую помощь. В таком состоянии, как я был, меня тут же положили на операционный стол. Заключение врача: „Двойной перелом позвоночника, по всей видимости, поперечный паралич“.

И вот я лежал с ног до головы в гипсе и мог теперь поразмыслить о своей жизни. В течение четырех недель у меня не было рефлексов в ногах и желудке – значит, у меня все же был поперечный паралич!? Сегодня я вспоминаю, что в то время я часто думал о Боге.

Он был для меня очень далеким Богом, и я не знал, что мне с Ним делать. В те ночи, когда я не мог спать, мне казалось, будто этот Бог совсем рядом со мной. Но я еще не был готов к тому, чтобы искать вину в самом себе. Виноваты были все, только не я. Я обвинял даже тех, которые всегда с любовью заботились обо мне.

Однажды утром, после обследования, врач сказал: „Господин Беллерт, вам повезло! Ваши рефлекссы возвращаются, и через несколько месяцев вы

снова сможете ходить“. Несмотря на это сообщение, я не почувствовал внутренней радости, ибо знал, что проблема была не в этом: она лежала гораздо глубже.

Вокруг себя я видел молодых людей, которые, как мне казалось, шли по жизни совершенно довольные: молодые люди, державшие жизнь в руках, как мне по крайней мере казалось. К этим молодым людям, всегда рисовавшим свою жизнь в розовых красках, я обращался с вопросами. Все шло хорошо в наших беседах, пока мы не доходили до пункта: а что дальше? Ведь жизнь должна же иметь какой-то более глубокий смысл, чем только счастливый брак и надежная работа. Если все же существует Бог-Творец, то у этого Бога в Своем плане для людей должна быть какая-то цель. Я замечал, что это было камнем преткновения для этих людей. Они не желали заниматься глубоким вопросом о смысле жизни.

Спустя некоторое время я еще раз попробовал поговорить с католическим священником. Единственное, что он мог мне предложить, было: „Попробуй-ка жить с грехом пополам, верь в церковь! Тогда все как-нибудь пойдет!“ Но мне сразу же стало ясно: это не истина!

Теперь я стал ненавидеть людей, изо дня в день посещающих церковь. Они казались мне откормочным мясным скотом, идущим на свой же убой.

После того, как мне сказали, что я снова буду здоров, я постепенно запасся снотворными таблетками, частью накопленными, частью стащенными с подноса медсестры, чтобы заснуть и больше никогда не проснуться. Но моя попытка самоубийства была замечена. После того, как я не отзывался на вопросы соседа, да и не мог уже отзываться, он

позвал врача. Для врачей это было уже слишком. Ведь они считали, что дали мне положительный ответ: „Ты выздоровеешь!“ – А тут такое. Я посвятил врача в свою проблему, но не получил ответа.

С момента неудавшегося самоубийства меня занимало лишь одно: „И все же тебе это удастся!“ Ночью меня мучили мысли о моей вине, моем отчаянии. Сегодня я знаю, что это был сатана: „Посмотри, твоя жизнь проходит напрасно! Что от тебя еще осталось? Давай же, выброси и все остальное!“

Библия говорит: „*Наказание за грех – смерть*“ (Рим. 6,23). Сатана предъявляет счет, и даже если ему иногда требуется на это много времени, в каждой жизни когда-то наступает такой момент.

Когда меня выписали из больницы, я был полон ненависти к моему окружению, к себе, ко всему. Первым делом я отправился в пивнушку. Так хотелось напиться, обо всем забыть! Но уже когда я пил, мне стало ясно, что это забытье только на короткое время.

Родители с радостью приняли меня, и я решил относиться к ним более приветливо и дружелюбно. Фактически я жил двойной жизнью: дома я пытался разыгрывать доброго парня, а в пивнушках продолжал жить старой жизнью. Несмотря на то, что весь мой заработок я пропивал, его все равно не хватало, чтобы оплатить счета. Поэтому отцу приходилось еще и погашать мои долги. Насколько низок может быть человек, в этом я мог убедиться сам: когда я заметил, что отец оплачивает долги, я делал их еще больше.

Теперь я снова предпринял попытку уйти от всего этого, попробовав философию и дальневосточные религии. На некоторое время алкоголь был остав-

лен, но то, что я пережил за это время, я не желал бы и своему злейшему врагу. По сравнению с этим алкоголь был детской игрой! Ночью я больше абсолютно не мог спать. Сначала я думал, что нахожусь в каком-то бреде, но потом установил: „Нет, это то, чем ты занимаешься“.

Все чаще стали приходить мысли о самоубийстве, и я вспомнил свою первую неудачную попытку в больнице. Тогда я опять запасся таблетками и решил: если запить их алкоголем, то таблетки будут иметь такой же эффект, как и наркотик. Сделав это открытие, я быстро забыл о своем намерении закончить жизнь самоубийством и, подобно фармацевту, стал теперь экспериментировать с таблетками.

Началась опасная игра. Сначала мне нравилось пробовать, сколько снотворных и болеутоляющих таблеток я мог вынести, запивая алкоголем. Мне стало ясно, что если я перешагну границу, то проснусь снова в больнице. Чтобы предотвратить это, я ходил в лес, чтобы меня никто не нашел.

Теперь я был не только частым посетителем пивнушек, но и аптек. Стоило мне хоть раз не принять таблетки, как начинался ад! Сначала я дрожал всем телом, потом выступал пот! Я царапал стену пальцами. По утрам кончики пальцев часто были в крови, и кровь навела меня еще на одну мысль: я взял лезвие и вдоль и поперек изрезал им грудь. Тогда дрожь прекращалась, переставал течь пот. Для врачей это было феноменом.

Я все больше и больше отмежевывался от общества и стал одиночкой. Но, оказавшись в этой крайности, я знал, что должно быть что-то, называющееся жизнью!

Я пишу все это не для того, чтобы перечислить

все мои постыдные поступки. Какую славу я извлек бы из этого? Ибо кто любит признаваться в своем падении, кто охотно вскрывает свои пороки? Я должен написать обо всем этом, чтобы вывести на свет истину и показать, как лукав сатана. Он всегда придерживается одной тактики: он показывает тебе, что он может предложить – алкоголь, наркотики, секс и т.д.! Но все это лопается в твоей руке, как мыльный пузырь, и ты ищешь чего-то другого. Эти мыльные пузыри становятся все более переливчатыми, но и более опасными. Не допускай, чтобы на тебя производили впечатление окружающие люди, какими счастливыми бы они ни казались. Все они на том же пути, что и ты. Без выяснения вопроса о вине абсолютно все равно, умирает ли кто на мягкой подушке или напичканный наркотиками на скамье парка. Без ответа на вопрос о смысле жизни безразлично, идешь ли ты по жизни порядочным супругом или преступником.

Мой первый психолог сказал мне: „Тебе следует просто все забыть и начать все сначала“. Но на мой вопрос: „На каком же фундаменте мне снова тогда строить?“ у него не нашлось ответа. Он сказал: „Не обращай внимания на грех! Греха не существует, все это фантазия“. Так что же, неужели все то, что на протяжении моей жизни мучает меня, не давая покоя, является только фантазией? Грех стоял передо мной, словно гора, и в любую минуту она могла стереть меня в порошок. Неужели все это игра воображения? Оставались еще нерешенные вопросы.

После этого я попробовал идеологии: мне было все равно какие. Мне казалось, что Маркс и Ленин были из тех, которые нашли ответ на вопрос о смысле жизни. Но после некоторого изучения их

работ я заметил, что они ощупью брели в той же темноте, что и я.

Моя нынешняя работа позволяет мне беседовать на улице со многими молодыми людьми, которые почти всегда признаются мне в том, что не имеют цели. Взрослые, так часто жалующиеся на молодое поколение, тоже начинают заикаться и в состоянии назвать лишь несколько совершенно неубедительных вещей, когда их спрашиваешь о смысле жизни. Библия правильно называет это: „Увлекаться ветром учения!“

Несколько лет тому назад один молодой человек на улице сказал мне: „Отвяжись, я охотнее поговорю с вором, чем с религиозным типом“. На это я сказал: „Я тоже так считаю, потому я и заговорил с тобой“.

Но вернемся снова к тому, как дальше складывалась моя жизнь. Постепенно жизнь в пивнушках мне опротивела, и я снова уединился. Мне просто не хотелось больше видеть людей, я ненавижу их, потому что никто не отвечал на мою скорбь и нужду.

В состоянии такой безнадежности и одиночества я построил себе свое маленькое царство, в котором господствовал алкоголь и таблетки. Я точно знал, сколько мне требуется в день, а поэтому весь день мною владела одна мысль: „Как мне добраться до своего зелья?“

Я так хорошо прятал его, что часто сам не знал, где его искать. Случалось, что ночью бегал по саду в спальном костюме и искал в земле свои мнимые сокровища. Дрожа (не только от холода), я радовался, когда обнаруживал их и снова возвращался в комнату. Велико было разочарование, когда я ничего не мог найти, потому что я знал, что придется

пережить ужасные часы, пока, наконец, не откроются аптеки или киоск.

Мой работодатель проявлял ко мне огромное терпение, но поскольку мое физическое состояние было плохим, я, соответственно, зарабатывал мало. Поэтому я научился попрошайничать, особенно у моей семьи. Я всегда находил новые аргументы, все новые отговорки, и даже если это были только пфенинги, я все равно был рад, потому что покупал себе дешевку.

Совсем плохо стало тогда, когда меня уже знали в окрестных аптеках и больше не хотели мне ничего давать. Поэтому я иногда проделывал километры или ехал на велосипеде в аптеку подальше. Часто я долго стоял перед аптекой, пока продавец, который знал меня, не уходил с рабочего места. Тогда я врвался в аптеку и пытался купить таблетки у другого продавца. Не успевал я выскочить из аптеки, как десять снотворных таблеток были уже во рту. Есть их было противно, желудок буквально переворачивался. Только бы не стошнило, ведь тогда все было напрасно. Теперь я знал, что не позднее, чем через полчаса, я должен принять по меньшей мере восемь болеутоляющих таблеток, чтобы действие снотворных приняло другое направление. Потом, после некоторого времени, по меньшей мере три бутылки пива подряд – тогда дневная потребность была снова удовлетворена.

Нетрудно предположить, каково было мое состояние здоровья уже через короткое время. Более того, многие жалели меня, потому что только некоторые знали, почему я так страшно выглядел.

А потому кончилось тем, чем и должно было кончиться: меня доставили в больницу с коллапсом

кровообращения. Позднее врач сказал мне: „Мы уже не надеялись спасти тебя! То, что ты опять пришел в себя, граничит с чудом“. Это стало для меня ключевым словом. Несмотря на частые видения, наступившие в результате воздержания, у меня было время поразмыслить над своей жизнью. Я еще раз мысленно прошел все отдельные этапы своей жизни, и меня поразило следующее: „Одно чудо за другим!“ Фактически меня уже давно не должно быть тут! Выражение „повезло“ казалось мне слишком дешевым.

Снова всплыл сверлящий вопрос: „Нет ли тут вмешательства высшего Существа? Не существует ли, все же, Творец, Который вовлекает тебя в свои чудесные планы? Нет ли у этого Творца особого плана, смысла для твоей жизни?“

Перед окном моей больничной палаты стояло дерево. Меня все время тянуло смотреть в ту сторону. Неужели это только дело случая, что оно стоит здесь в своей красоте цветения? Не стоит ли за этой чудесной картиной Творец?

Ведь если этот Творец являет так много Своей любви и величия в этом дереве, не занимается ли Он и мной, ибо, будучи человеком, я должен бы значить для Него гораздо больше?

В те дни я был очень близок к тому, чтобы исполнились мои сердечные желания. Я также пробовал молиться, ибо мне хотелось приблизиться к этому Богу известным мне религиозным способом. Я обещал исправиться, хотя тут же признавал: „Это невозможно!“

По ночам я часто просыпался. Мне казалось, будто я тащу на гору тяжелый груз. И снова и снова: „Ты не сможешь! Как же быть с твоей виной?“ Тог-

да я попытался свалить с себя вину. Я поделил ее: одна часть пришлась на общество, а другую часть я взвалил на мое окружение, которое, по моему мнению, действительно было виновато. Я искал вину в каждом и во всем, только не в себе!

Через несколько недель я, по крайней мере, физически, окреп в такой мере, что с самыми лучшими намерениями смог отправиться домой. К моему удивлению, мне удалось приобщиться к обществу. Я нашел себе друзей и жил, в общем-то, совсем нормально. Таблетки я отставил и пытался обойти углы с помощью алкоголя. Как известно, употребление небольшого количества алкоголя не бросается в глаза и даже считается в наши дни хорошим тоном.

Однажды вечером я пошел со своими друзьями на танцы и познакомился с девушкой, которая мне тотчас понравилась, да и она меня не сторонила. Мы встречались несколько дней, но тут в ход пошли старые воровские проделки и заняли все мое время. Для прикрытия я занимался политикой. Так я, по крайней мере, выглядел приличным алкоголиком.

Но поскольку со временем мне все это тоже надоело, я вышел из игры. Прошел ровно год, как на одном вечере я снова увидел эту девушку, и началась наша дружба.

Каждый человек в той или иной мере обладает артистическим талантом. Я тоже не являюсь исключением. Мне удалось обмануть мое новое окружение, в том числе и девушку. На Рейне любят жизнерадостных типов. Немного выпив, я был неплохим компаньоном с интересными идеями. Поэтому никто не возражал, когда я пожелал жениться на своей подруге. Бурным ноябрьским днем 1957 года мы поженились. И каков был тот день, такими

стали и первые десять лет нашей супружеской жизни. До того времени я коверкал свою личную жизнь. Теперь же я начал втягивать в этот хаос жену и семью.

Через несколько недель после свадьбы внешнее приличие спало, ибо у меня не было столько сил, чтобы сохранить лицо. Пивнушка стала моим домом, там были мои друзья. Домой я приходил только лишь поесть. А так как ел я мало, я, соответственно, был мало дома.

Когда мы ждали первого ребенка, у нас затеплилась надежда: теперь все пойдет на лад! Открывались новые перспективы, у жены появилась новая надежда. Но оковы пьянства были сильнее, чем я думал.

Однажды я хотел пойти в пивную, но уже не имел денег. Я попросил денег у тещи, которая к тому времени видела меня насквозь. Она отказала мне, и во мне поднялась злоба, которой я до сих пор не знал. Произошла ссора. Жена была беременна на пятом месяце. Заметив, что во время ссоры она встала на сторону матери, я ударил ее. Жена упала на пол. Я никогда не забуду эту картину. Как далеко может зайти человек, что сбивает на пол беременную женщину! И всего лишь из-за того, чтобы получить пару марок на спиртное.

Тут я понял, что пьянка настолько овладела мной, что я готов был даже пойти на убийство. Библия говорит: „Сатана убийца от начала!“ Из когтей этого тирана не выбраться иначе, как с Божьей помощью. Он превращает своих прислужников в убийц. Он разрушает сначала их собственную жизнь, а потом – жизнь других. Одним из средств для достижения своих целей он избрал алкоголь.

Сколько жен на своем теле познали это, а скольким еще приходится ежедневно терпеть.

Я помог своей жене подняться с полу, но я знал, что произошел надлом, который не сможет починить ни один человек. Такого не простит ни одна женщина! Ведь речь шла не только о ней, нет! Она носила под сердцем ребенка, за которого готова была бы пожертвовать своей жизнью! А тут приходит отец и бьет их обоих.

До сих пор Бог явил Свое огромное терпение ко мне, и тут мы снова увидели чудо. Обследование показало, что ребенок не пострадал. Моя жена, естественно, была очень рада этому, и я воспринимал ее радость как прощение, хотя мне было ясно: эта вина присовокупилась ко всем твоим многочисленным провинностям.

Когда совесть перегружена, требуется отдушина. Этой отдушиной для меня был алкоголь. Как раз в это время у меня состоялась беседа со своим врачом. Мы говорили и о вере. Но как может кто-нибудь оказать помощь другому, если сам не получил ее? Он сказал мне: „Я верю только в то, что вижу!“ Я ответил ему: „А я знаю, что существует совесть, но я же не вижу ее“. Таким образом, аргумент насчет „видения“ просто несостоятелен. Просто не совсем логично заявлять: „Я верю только в то, что вижу!“

Я сказал врачу: „Зайдите ко мне когда-нибудь утром, когда я не так пьян и совесть начинает заявлять о себе. Тогда я могу доказать факт, что существует совесть!“ Беседа принесла кое-какие положительные результаты: мне стало ясно – что-то в тебе кричит об освобождении! Совесть – только твой судья, всегда предъявляющий тебе приговор.

На этого судью я не могу оказывать большого влияния. Если только не притуплю его алкоголем. Но как только я протрезвлюсь, этот судья снова заявляет о себе. Я признал: „Можно обмануть весь мир, но только не этого личного судью“.

По своей природе алкоголики совсем не обязательно глупые люди, хотя часто их представляют именно в таком свете. Они, скорее, рафинированы, иначе они не продержались бы так долго. Так я смог, во всяком случае, доказать своему врачу существование совести. Возможно, он сам исследовал себя и открыл свою совесть. Когда я снова посетил его, он сказал: „Хорошо, однако нет ничего такого, против чего бы медицина не имела средства, кроме, пожалуй, рака или другой неизлечимой болезни. Знаешь ли, мы заморозим твою совесть. Принимай-ка эти таблетки! Ты заметишь: они успокоят тебя. Только не принимай слишком много!“ И вот я начал там же, где однажды кончил, только теперь совсем законным путем.

Дома я мог теперь сказать жене, что мне обязательно нужно принимать эти таблетки, ибо если я буду спокоен, то и у нее будет покой. Точно так же и на работе, флаг алкоголя был спущен. Но я всегда был „приподнят“. Таким образом, я был теперь – к сожалению владельца пивной – постоянным пациентом врача. Скоро мне казалось, будто я стал подопытным кроликом. Я должен был пробовать все, что он получал из новых медикаментов – а судя по тому, сколько он мне давал, это было не мало. Правда, он всегда предупреждал меня, чтобы я не увлекался. Но судя по тому количеству, которое он мне давал, мне следовало бы догадаться, что я принимал слишком много. С течением времени я настолько

научился составлять медикаменты, что мог заткнуть за пояс любого фармацевта.

В январе 1963 года у нас родилась еще одна девочка. Это на некоторое время приподняло настроение в нашей семье. Но скоро дела снова резко пошли по наклонной плоскости. Мне больше не нужно было скрывать свое пристрастие к спиртному. Мне можно было теперь свободно говорить об этом. На помощь мне пришла больничная касса. Она пришла к выводу, что алкоголизм – заболевание. Теперь я был под защитой. Я был несчастным больным, меня везде жалели. Поскольку я болел, мне нужно было лекарство, которое я систематически принимал: каждый вечер бутылка водки.

Теперь для нашей семьи начался период странствий. Несмотря на то, что я был экономистом-экспедитором, я часто терял работу из-за пьянки. Поменяв место работы, я опять переехал на родину, но в то время как раз была сильная безработица, и я целый год был безработным. В это время я делал то, что когда-то уже делал: я создал себе собственный мир. Все мои мысли вертелись вокруг „зелья“.

Для моих ближних это был ад. Когда я утром уходил из дома, никто не знал, приду ли я еще раз домой живым. Из больницы я не выходил из-за постоянных аварий, случавшихся со мной. Однажды я упал с велосипеда и, по словам полиции, целый час лежал головой на проезжей дороге, а телом – в канаве. Меня нашли и доставили в больницу. Обезболивающего укола делать не пришлось, потому что степень опьянения была так высока, что я не чувствовал, как мне зашивали раны на голове и лице. Таким меня знали врачи. Когда меня привозили в больницу, они говорили: „Этот оборванец все еще жив!“

Здесь мне бы хотелось упомянуть об одном событии, которое показывает, к чему приводит пьянка. Я все чаще посещал могилу отца. Соседи удивлялись этому, ибо не знали, почему я делал это. Дело было в том, что под памятником я устроил себе настоящий бар-аптеку. Я сидел на могиле и был один в своем царстве, часто до поздней ночи. Моя мать, которую разбил паралич, часто давала мне деньги, чтобы купить свежие цветы на могилу отца. Однако, большинство этих денег превращалось в алкоголь и таблетки.

В доме росла нужда и нищета. У жены едва хватало денег на хлеб, не говоря уже о том, чтобы купить что-нибудь для детей. Все это, естественно, не проходило бесследно для детей. Мой сын пошел в школу, но учиться не мог. Ребенок не мог сосредоточиться из-за постоянных домашних неурядиц.

Только в редкие часы отрезвления я сознавал эту нужду и видел свою полную неспособность изменить что-либо в этой ситуации.

Признав это, я принял решение окончательно поставить на своей жизни точку. При этом я меньше думал о себе, а скорее хотел освободить свою семью от такой скорби! Тут я не могу не упомянуть, сколько любви проявляла ко мне моя жена, любви, которую невозможно описать.

Как уже было сказано, я запланировал самоубийство. В амбаре возле дома я проверил балки и убедился, что они выдержат мой небольшой вес. Потом я запасся веревкой и положил ее рядом с балкой, проверил высоту, поставил рядом ведро, которое должен был оттолкнуть ногой. После этого я спокойно возвратился домой и лег в постель.

В ту памятную ночь я не сомкнул глаз, и передо

мной прошла вся моя жизнь. Все ее этапы! Я проплакал всю ночь, но что было толку от слез? Дети спали вместе. Спали ли они? Сколько бессонных ночей я доставил своей жене и детям! Той ночью я знал: сатана предъявляет тебе счет. Библия говорит: „Плата за грех – смерть!“

А теперь дошло до этого, обратного пути нет. Сейчас мне предстояло отправиться в ту темноту, перед которой я всегда испытывал такой страх. Значит, придется расстаться с жизнью, не получив ответа на вопрос: что же после смерти? Я утешал себя тем, что скоро узнаю об этом. Если никто не хочет сказать мне об этом здесь, то я сам все узнаю.

Поднявшись совсем рано, я пошел в амбар. В доме стояла глубокая тишина. Как раз то, что мне было нужно. Я просунул голову в петлю, прикрепленную к балке. Не раздумывая ни над чем, совершенно трезвый, я встал на ведро и опрокинул его. Петля сдавила горло, в глазах потемнело! В голове прокрутилось несколько ужасных картин из моей жизни. Возможно, даже, что это был весь фильм моей исковерканной жизни.

Но вновь должно было произойти чудо, а именно, как я позже узнал, произошло следующее: после того, как я вышел в амбар, за мной вышел мой семилетний сын и увидел отца, висящего на веревке. Ему удалось перерезать веревку, и я упал на пол. Потом он позвал мою жену, и меня отнесли в дом. Невозможно описать, каким шоком это было для моего сына, а в особенности для жены.

Как часто приходится слышать в наше время, что многие люди кончают самоубийством или предпринимают попытки сделать это. Чаще всего считают, что такое решение принимается быстро. Я же знаю,

что в большинстве случаев это действие является запланированным.

Мне стало тогда ясно, что высшее Существо предотвратило мои намерения. Так как мои религиозные старания ни к чему не привели, вмешательство в мою жизнь пришлось совершить этому Незнакомцу.

Я уже упоминал о сверхчеловеческой любви и терпении ко мне моей жены и детей. Но когда-то всему приходит конец. Так было и у нас. Шел 1967 год, и нужда в нашей семье все возрастала. Безработное пособие было невелико, да и из него большую часть расходовал я. Душевная скорбь моей жены и детей достигли высшей точки. Я превратился в развалину, мозг, печень и почки были разрушены. Моя жена предъявила мне ультиматум. Она сказала: „Если ты не предпримешь длительного противоалкогольного лечения, мне придется подать на развод“.

Слово „развод“ подействовало на меня уничтожающе. Я знал, что если потеряю семью, тогда для меня действительно все кончится. Я выворачивался, как мог, опять обещал, что сам брошу пить, но теперь никакие уговоры мне не помогли. Вместе с женой я отправился к врачу. По дороге к нему я решил по возможности „разыграть“, чтобы он не направил меня на лечение.

В кабинете произошла веселая сценка. Врач спросил меня, что меня беспокоит. Я ответил: „Господин доктор, что-то с желудком не в порядке“.

„Чем же вы лечитесь?“

„Да вот, выпиваю в день по три маленьких „Бонекамп“.

Он спросил: „Три маленьких бутылочки?“

„Нет, три упаковки – то есть девять штук“.

Он только ухмыльнулся и заметил: „Тогда ваш желудок уже, наверное, растворился“.

Он сидел напротив меня и вынул себе сигарету. Я как раз курил, поэтому он сказал: „Дайте, пожалуйста, прикурить“. То, что случилось потом, было комично. Моя рука так дрожала, что я возился со своей сигаретой возле его лица, а он водил головой за сигаретой. Наконец, он рассмеялся и сказал: „А, Вы дипломированный алкоголик!“ Таков был его диагноз. Мне было прописано лечение.

6 декабря, хорошенько напившись накануне, я поехал в Эссен-Хайдхаузен на лечение. Жена простилась со мной, и с одиннадцатью другими мужчинами я вошел в так называемое „приемное отделение“. Если бы я знал, что там меня ждет, я бы удрал. Первый вечер прошел сравнительно спокойно, но на второй вечер все было по-другому. Я был в комнате с двумя другими алкоголиками. Один выбрался вечером из окна, и мы больше его не видели. Его комментарий: „Хочу пить. Здесь мне делать нечего“. Другой, уже лежа в постели, кричал мне: „Немедленно сними всех кошек и мышей с моей постели“. Я просто не мог переубедить его, что на постели ничего не было. И так всю ночь. Разнообразие заключалось лишь в том, что животные, танцевавшие на его постели, все время менялись.

Когда утром я пошел умываться, со мной поздоровался один адвокат и сказал: „Хочешь пить? У меня есть с собой хорошая водочка“. Я подумал, что он не в своем уме. Откуда у него здесь водка? Тогда он взял кисточку для бритья, приложил ее ко рту и сделал так, будто он пьет стакан водки.

Ну, подумал я, у меня хоть горячки нет. Однако,

со мной было иначе, и даже намного хуже, чем с другими.

Мы стояли у входной двери, как я вдруг рухнул на пол. При этом я головой стукнулся о железный край, и меня, онемевшего, принесли в комнату. Как мне позднее рассказал врач, это был тяжелейший приступ горячки, чаще всего оканчивающийся смертью: содержание алкоголя в мозгу падает, наступает обескровливание, и в считанные секунды клетки мозга могут отмереть.

Меня любезно отправили еще и к врачу, который должен был зашить раны. Но когда тот услышал, откуда я, он зашил их так, что мне лучше было бы обратиться к сапожнику.

Как алкоголика, тебя уже, естественно, не считают членом общества, и я почувствовал это на себе еще за эти полгода. Начались обследования. У нас был врач-невропатолог, который, на мой взгляд, сам нуждался в лечении. После всего того, что ему пришлось пережить, я просто не мог на него обижаться. Раздетый, я стоял возле его стола. Сначала он сказал: „Встаньте на коврик!“ Через минуту: „Сколько раз вам говорить, чтобы вы не вставали на коврик!“ И так несколько раз подряд. Целыми часами меня допрашивали о том, как я провел свои молодые годы. Он сказал: „Вы, конечно, выросли в плохой семье!“ Я ответил: „Нет, наша семья была очень благополучной“. Его реакция на это: „Вы с ума сошли! Как вы смеете противоречить мне? Я врач и лучше знаю, откуда начинается алкоголизм“. „Ах, конечно, если вы так считаете, мне все равно, полгода – это еще не пожизненно.“

Я рассчитывал, что, как экономисту, мне дадут работу в конторе. Но я глубоко ошибся; мне пору-

чили убирать за свиньями и коровами в хлеву. Сначала я был шокирован, но потом остался вполне довольным. Оказалось, что коровы и свиньи – очень приятные животные; они, по крайней мере, не задают глупых вопросов. Именно тогда я понял смысл поговорки: „Кто узнает людей, тот полюбит животных“.

Так проходило время групповой терапии и аутогенной тренировки.

Через шесть недель по воскресным дням нам стали давать увольнительную с 13.00 до 17.00. Со смешанными чувствами мы шли к автобусу, чтобы поесть в городе. Первый раз в так называемом приличном обществе, которое все мы так любили. Те, которые были на лечении уже более длительное время, потащили нас в ближайшее кафе, и там началось одно espresso за другим. Я выпил так много, что вернулся в лечебницу словно в тумане.

Там нас, конечно, проверили, действительно ли мы не пили. Их тактика была допотопной, как например: „Посмотрите-ка, кажется, что-то попало мне в глаз.“ Тогда приходилось подойти поближе.

Хочу рассказать еще об одном случае. От одного мужчины из нашей группы всегда пахло одеколоном 4711. Я сказал: „Послушай, Рудольф, чего ты здесь так душишься? Ведь тут все свои“. На это он ответил: „Пошли-ка, я тебе что-то покажу! Секрет, только никому не говори“. Я последовал за ним, и скоро я знал причину исходившего от него запаха. Каждое утро он выпивал два маленьких флакона чистого 4711. Он сказал: „Ведь в нем алкоголь, и этого мне хватает на целый день.“ Раньше он пил разбавленный, но, к сожалению, его нужно было выносить из лакировальной мастерской, а теперь он

не может достать такого. После всего, чем я в своей жизни занимался, это показалось мне немного рискованным. Только с кофе я не знал границ.

Приближался день моей выписки. Это было 6 июня. Моя жена приехала, чтобы забрать меня, и на меня, признаюсь, напал страх, что мне снова предстоит быть в „свободном мире“. Ибо я ничему не научился. Я знал только одно: если ты снова начнешь, то пропадешь физически.

Благодаря урокам этого времени я сам мог написать о воздействии алкоголя докторскую. При выходе я еще раз встретился с Рудольфом. Я спросил его: „Ну, Рудольф, а теперь что?“ Его слова: „Альфонс, два слова: центральный железнодорожный вокзал – большая кружка пива!“ Вот был результат серьезного полугодового лечения. Мне было немного жаль сотрудников, потому что они действительно сделали все, что могли, чтобы лечение было эффективным.

Мы приехали на Рейн к теще, и я отправился искать работу. Но это было совсем не просто. Ведь мне нужно было указать, где я провел последние полгода. К тому же, память стала совсем плохой. Я едва мог сосчитать до десяти, а для экономиста это был крах.

Тогда мы отправились в Рурскую область, так как надеялись, что с работой там лучше. Владелец одной фирмы пожелал принять меня. Мы с женой спали и готовили пищу в бюро. Не хочу осуждать, что через несколько дней этот человек сказал мне: „Господин Беллерт, вам придется опять взяться за изучение цифр! Потренируйтесь, может быть, память опять вернется!“ Итак, снова поиски работы!

После нескольких переездов мы получили квар-

тиру, по соседству с которой „Синий Крест“ организовал приют для алкоголиков. Должен признаться, что к этому времени я снова стал экспериментировать с медикаментами. Однажды вечером, больше по настоянию жены, чем по своему желанию, мы пошли на богослужение. Все, о чем там говорилось, показалось мне немного странным. Говорилось о Боге, об Иисусе Христе, о Библии. Хотя я и поразмыслил над услышанным, я скоро все опять забыл.

Но эта первая встреча с понятиями Бог и Иисус Христос – как я понял это позднее – была началом. Однако, я снова запил. Сегодня я знаю, что сатана не отпускает так быстро.

Через неделю после посещения „Синего Креста“ меня буквально трясло, когда я ходил по городу, и я почувствовал: „Надо выпить!“ Чего я не пробовал раньше, то я делал теперь все чаще. Однажды я подошел к какому-то мужчине и попросил у него денег. Мужчина был очень любезным. От него исходило нечто, чего я не знал. Я не мог оторваться от его лица и даже забыл, о чем просил. Он посмотрел на меня и сказал: „Расскажи-ка мне, пожалуйста, о себе! Ведь ты, как я вижу, в беде“. На это я ответил ему: „Вы правы, и я думаю, что вы можете мне помочь. Пожалуйста, дайте мне 5 марок“. В ответ мужчина сказал мне: „Я мог бы дать их тебе, но они же так быстро кончатся. Не рассказать ли тебе о богатстве, которое никогда не кончается?“ „Вот здорово!“ – подумал я. – „Всегда иметь деньги для выпивки!“

Затем я рассказал ему о своей жизни. Все было совсем не так, как у невропатолога в санатории. Я посмотрел на мужчину и увидел слезы в его глазах. Подумать только, обо мне плачут! Он обнял меня, и

я вдруг почувствовал, что никогда еще мною не овладевали такое спокойствие и надежда! Я уцепился за него и почти закричал: „Перестань плакать! Лучше скажи мне: что такое жизнь? В чем смысл жизни? Что ждет нас после смерти?“

Совершенно спокойно, с сияющим лицом он сказал мне: „Иисус Христос говорит: Я есмь путь, и истина и жизнь, никто не приходит к Отцу, как только через Меня“.

Затем последовали слова, которых я никогда не забуду, слова от простого сердца. Передо мной стоял не врач, не философ, не профессор, а простой человек, который сказал мне: „Тебе нужен Иисус!“

Это было слишком! Я не знаю, что произошло со мной. Может быть, то была злость. А может, то, что его слова попали в цель. Неважно что, во всяком случае, я убежал. Но стрела сидела! Библия говорит: Слово Божие не возвращается без плода.

Я побежал домой и рассказал о своем переживании. Я продолжал твердить: „Не может быть! Неужели мне приснилось? Может быть, это мне чудится“. Тем не менее я лег в постель, но нечего было и думать о сне. Из головы не выходили три слова: „Тебе нужен Иисус!“ Кто был этот Иисус? Ведь я уже слышал о Нем. Каждый год в Рождество и Пасху! О Нем говорят в церкви. Я знаю о Нем из рассказа о рождении и крестной смерти. Да, конечно. Я знаю его из истории, но Кем же Он является в действительности?

Как много людей сегодня – именно в христианских странах – которые проходят через подобные переживания!

Но вот был человек, который не мог умолчать о своем Спасителе. Человек, который знал ответ на

главный вопрос жизни, который говорил об этом другим.

На следующий день, после бессонной ночи, я встал и пошел по улицам с одной только мыслью: ты должен разыскать этого мужчину! Я долго безуспешно искал его. Но вдруг я увидел его и сразу же подошел. Он не удивился, наоборот, мне показалось, что он рассчитывал на эту встречу. Я спросил: „Где вы были все это время?“ Он ответил: „Я молился о тебе!“ Тогда я, естественно, еще не мог понять этого, но сейчас я знаю, какой груз лежал на нем и как он принес этот груз пред Господом Иисусом.

Я пошел с ним домой, и он рассказал мне о Сыне Божием, пришедшем на эту землю, чтобы разыскать и найти погибшее. Он рассказал мне, что Иисус Христос умер за меня на Голгофском Кресте.

В своем отчаянии я вдруг закричал: „Да, возможно, Иисус Христос пострадал за всех людей и умер на Кресте за всех других людей. Но если бы ты знал, какая вина лежит на мне! Если бы ты знал, что я за человек, то ты тут же вышвырнул бы меня из дома. Меня никто не может любить, никто не может меня спасти“.

Но мужчина не выгнал меня, наоборот, со слезами на глазах он сказал: „Именно за тебя, Альфонс, и умер Иисус Христос! Если бы ты был один на этой земле, то Он пришел бы сюда ради тебя одного, чтобы искупить твою вину на Кресте. Взять твои грехи, чтобы ты мог прийти к Богу.“

Во мне все неистовствовало! Неужели свершилось невозможное, что я теперь действительно могу получить ответ на самый главный вопрос? Я сказал: „Но послушай, ты говоришь, что Он Сын Божий, а я опустившийся человек, грешник; как это подходит

одно к другому? Чтобы снова иметь контакт с Богом, я должен что-то сделать! Я должен усовершенствоваться. Я должен сначала очиститься“. Ибо мне было ясно, что святой Бог не может иметь общения с грешником. Сначала надо было выяснить вопрос о моей вине.

Он ответил: „Подумай-ка, как ты освободишься от вины?“ Как раз это и было моей проблемой! Все мои религиозные потуги ни на один миллиметр не привели меня ближе к Богу. Наоборот, во всех этих усилиях я убедился в своей несостоятельности. Я почувствовал, что этот человек говорит истину, хотя я и не мог объяснить, почему.

Но была еще одна загвоздка. В своей жизни я прошел через многое, и я хотел, наконец, иметь под собой фундамент. Но как? На свои чувства я не мог положиться. Мне нужен был фундамент, сотворенный не людьми, а Богом. Поэтому я сказал ему: „Друг, мне нужен фундамент, основанный не на чувствах“.

Сегодня я знаю, как обрадовался тот человек, когда я открыл ему это. Он объяснил мне, что самым надежным фундаментом является Слово Божие. Он дал мне в руки Библию, и я впервые в жизни мог сам открыть эту книгу.

Сначала он показал мне, что я грешник. Что ж, это было мне ясно. *„Потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе“* (Рим. 3, 23-24).

Два понятия были для меня особенно важными. Во-первых: „даром“ и во-вторых: “по благодати“.

Кто же даст мне гарантию, что Он примет меня – может быть, моя вина все же была слишком вели-

ка? Мужчина читал: „Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю“, говорит Господь (Ис. 1,18). И „...приходящего ко Мне не изгоню вон“ (Иоан. 6,37).

Я сказал ему: „Хорошо, но посмотри, ведь я христианин, раз был крещен ребенком. Я же не язычник. Я принадлежу к религиозному обществу“.

Он не стал долго говорить об этом, а только спросил: „Ты принял в свою жизнь Иисуса Христа как своего личного Спасителя? Ты уже когда-нибудь представлял перед Богом как грешник, признающий всю свою вину? Ты уже когда-нибудь осознал, что никогда не можешь прийти к Богу без Иисуса Христа?“

„Но я уже часто молился молитвой „Отче наш“.

„Послушай, как же ты можешь называть Бога своим Отцом, если ты не принят Им, как дитя?“ И он открыл мне место из Иоанна 1, 12: „А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими“.

„Хотя ты и являешься Божьим творением, но ни в коем случае не дитем Божиим!!“ Это мне было понятно. Я был рад, что у этого человека было время объяснить мне весь план Божьего спасения. С каждым словом, которое он читал из Библии, я знал: это правда! Поэтому я сказал ему: „Да, я признаю, что я грешник, что мне нужен Спаситель Иисус Христос, чтобы получить прощение своей вины. Я хочу принять Иисуса Христа как своего Господа и Спасителя“.

Я помню свой лепет: „Помилуй меня – грешника, благодарю Тебя за Кровь, пролитую на Кресте Голгофы. Я благодарю Тебя, Господь, что мне не нужно заслуживать милость делами, что ты принимаешь меня, как грешника по Своей великой милости“.

В тот день мы еще долго сидели вместе, и он рассказывал и читал мне из Библии. Мне казалось, что я родился заново, да так оно и было. Библия говорит: *„Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия“* (Иоан. 3,3).

Радость и мир наполнили мое сердце. В Своей великой любви во Христе Иисусе Бог принял меня.

Теперь я был новым человеком! Но теперь нужно было и жить, как положено жить новому человеку. Моя семья сначала скептически смотрела на все это, и я очень хорошо понимал их. Ведь я до сих пор только разочаровывал их. В „Синем Кресте“ я нашел милых братьев и сестер, которые помогли мне сделать первые шаги. Я доставлял им много забот и труда, потому что поступал не как овечка, а, скорее, как упрямый осел.

Не следует думать, что все мои проблемы сразу исчезли, но теперь у меня были люди, с которыми я мог разговаривать о своих проблемах. Я мог обращаться к святому Богу, называя Его Отцом, и знать, что получу от Него помощь.

Как уже упоминалось, я был очень упрям. Я всегда думал: Я и Бог сможем справиться с этим! Но в этом была моя ошибка, потому что мое „Я“ было излишне.

Через несколько месяцев искушения все больше одолевали меня. Никогда не забуду, как я, дрожа, прошел мимо пяти аптек, а в шестую все-таки зашел. Наглотавшись этой гадости, я пошел на час разбора Слова Божия, думая, что братья и сестры ничего не заметят. Но я ошибся. Они и моя семья заметили по моему поведению: что-то было не в порядке.

Однако, через несколько дней мне всегда удавалось поставить точку.

В 1970 году в Дортмунд приехал Билли Грэм, и меня послали от „Синего Креста“ в качестве помощника душепопечителя. О, как я тогда гордился, что мне можно было носить маленькую табличку с надписью: „Помощник душепопечителя“. Это снова привело меня к падению.

Я так гордился, что не надел плаща, потому что тогда никто не увидел бы моей таблички. Во всем моем поведении сквозила гордость, опять-таки: Я и Бог! По милости Божией моя жена и сын в то время тоже пришли к вере в Иисуса Христа.

Через две недели после евангелизации я проснулся в неврологическом отделении. Диагноз врачей: „Попытка самоубийства!“ Несмотря на всю серьезность последствий, придя в себя, я снова знал: „Бог любит тебя! Ибо если Он искупил тебя такой высокой ценой, то и не допустит, чтобы ты пал“. Вина была во мне, а не в Боге.

Хочу упомянуть еще один случай, происшедший тогда в больнице: когда я пришел в сознание, у моей постели стоял врач. Он спросил меня: „Ну, что же вы скажете на это?“ Мой ответ, по-видимому, шокировал его: „Бог все-таки любит меня!“

Здесь мне хотелось бы поблагодарить своих братьев из „Синего Креста“ за их образцовое отношение. Они посещали меня в больнице несмотря на то, что я так разочаровал их. Они просто сказали: „Альфонс, жизнь продолжается! Господь Иисус жив!“

Это было для меня бальзамом. – „Иисус жив. Он будет снова помогать тебе!“

Постепенно в мои серые клетки снова возвращалась жизнь. Я опять мог думать и считать. Случилось то, на что я никогда больше не рассчитывал: я

не только вдруг получил работу, но и действительно солидное место в большом концерне.

Я активно беседовал с людьми на вокзале и на улицах. Однако, я всегда считал, что могу убедить людей. Было очевидно, что я переоценивал свои силы и вплоть до 1973 года переживал рецидивы. Последний рецидив я хотел бы описать подробнее, чтобы стало ясно, насколько лукав сатана.

Если ты был или являешься алкоголиком, тогда единственной помощью для тебя является: полное воздержание от спиртного! Не давай вводить себя в искушение даже самых благочестивых людей словом из Библии: „Кого Сын освободит, тот истинно свободен.“ Я часто слышал это слово. Но Библия еще и говорит: „Не искушай Господа Бога твоего“. Даже если ты не пил хотя бы уже двадцать лет, поверь мне, первый глоток означает то же, будто ты бросил только вчера. Поэтому и для того, кто принял Христа, не существует: „Ты не должен“, а только лишь: „Тебе больше не нужно“.

А теперь о моем рецидиве. Мне нужно было ехать на работу в Бремен, и я проходил, конечно, мимо многих пивных и киосков. Однажды утром – я был немного простужен и погода стояла сырая – мне пришла в голову сатанинская мысль: ведь можно же от простуды выпить немного водки. На вокзале я так и поступил, и тут все пошло так, как было раньше. Я пришел в бюро, даже не разделся, а только сказал своим коллегам: „Я сейчас вернусь“.

Я зашел в магазин и купил бутылку рома. Возвратившись в фирму, я пошел в склад, где была наша регистратура, и опустошил всю бутылку. Как и раньше, я подошел к телефону, заказал такси и велел ехать к ближайшему бару. Там нитка оборвалась.

Я пришел в себя только тогда, когда совершенно промокший сидел в такси. Водитель сказал: „Полиция попросила отвезти вас домой.“ Позднее мне стало ясно почему. При мне было несколько удостоверений, которые настроили полицию более дружелюбно. Итак, я прибыл домой. Разочарование моих любимых было, конечно, очень велико.

В ту ночь я молился: „Отче, Ты можешь все, кроме одного: Ты не можешь меня разлюбить“.

Потом я прочел историю страданий и смерти Иисуса. Тут силы оставили меня, и я сказал: „Господи, прости, я отдал тебе только жизнь алкоголика, но Ты имеешь право на всю мою жизнь. Пусть все фибры моего сердца принадлежат Тебе“.

Бог услышал эту молитву. Сегодня я знаю, что возможна безусловная отдача Господу. Он хочет, чтобы мы всецело принадлежали Ему.

Это имело для меня последствия. Я выбросил все пошлые книги, которые исковеркали все мое мышление, все пластинки и все то, что не имело отношения к Богу. Я начал соответственно посвящать свое время Господу. Господь тут же ответил на этот шаг веры, ибо моя дочь тоже уверовала, и теперь мы представляли небольшую миссионерскую группу.

Бог подарил нам еще несколько молодых людей, и мы каждый вечер собирались вокруг Библии, а по субботам отправлялись в села, чтобы рассказать людям о Господе.

Даже сейчас, когда прошло уже семь лет, улица является нашей кафедрой. Мы часто снимаем помещения, чтобы свидетельствовать людям о том, что сказал мне тогда тот мужчина и что мне хотелось бы, дорогой читатель, заложить в твое сознание:

„Тебе нужен Иисус!“

Послесловие

Для чего я живу?

Этими повествованиями из жизни различных людей нам бы хотелось засвидетельствовать всем людям, не находящим себе покоя и опасаящимся за будущее, что через веру в Господа Иисуса Христа мы получили прощение вины, наша жизнь наполнилась новым содержанием и приобрела новую цель, так что мы можем с уверенностью, без каких-либо иллюзий смотреть в будущее, находящееся в Божьих руках.

Библия говорит, что человек является не продуктом случайности, а Божиим творением. А поэтому только Он, сотворивший нас, может точно ответить на наши Откуда? Куда? и Для чего?

Бог сотворил человека,

- чтобы он возделывал землю и владычествовал над всем (Быт. 1,28; 2,15),
- чтобы он чтил и благодарил Бога (Рим. 1,21),
- чтобы он любил Его всем сердцем, всей душой и всей крепостью своей, а также и ближнего, как самого себя (Мар. 12,30+31).

Человек, начиная с Адама и Евы, отклонил, однако, Божьи притязания на господство, захотел стать подобным Богу и строить свою жизнь без Него, по своему усмотрению.

Грех – что это?

Этот мятеж против Бога, желание строить свою жизнь независимо, жить во своей воле и является грехом человека. Из-за него он потерял связь с Богом и живет в разделении с Ним. Это греховное состояние порождает отдельные греховные дела.

Итак, по причине греха человек

- разделен с Богом (Ис. 59,2)
- „мертв“ в очах Божьих (Еф. 2,1)
- враг Богу (Рим. 5,10)
- не может угодить Богу (Рим. 8,8)
- осужден на вечное разделение с Богом, на гибель (Рим. 6,23).

Все его религиозные потуги и попытки преодолеть это разделение с Богом разбиваются о греховность и испорченность человека. Из-за греха он находится как бы в трясине, из которой он никогда не выберется своими силами.

Для чего Иисус Христос?

Только Бог, сутью Которого является как абсолютная святость и праведность, так и абсолютная любовь и милость, смог перекинуть мост к людям. Он искал и нашел способ спасти людей, которых Он любил, не отказавшись при этом от Своей святости.

Божья праведность требовала справедливого наказания за грехи, а поэтому существовал только один путь к спасению и избавлению человека: Чело-

век без греха должен был заместительно взять на Себя грехи людей, которые пожелают спастись. Этим Человеком явился Иисус Христос, Сын Божий. Он пришел на эту землю для того, чтобы на Голгофе взять наши грехи на Себя. Там Сын Божий был пригвожден ко кресту исполненными ненависти людьми, там над Ним издевались и надругались. Но на этом Кресте Бог возложил нашу вину на Иисуса Христа.

Как молниеотвод притягивает к себе разрушительную молнию, так Господь Иисус Христос принял на себя справедливый гнев Божий за наши грехи и сделал возможным наше спасение.

„Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его; будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному; Он грехи наши Сам вознес Телом Своим на древо“ (1 Пет. 2,22-24).

„Ибо незнавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом“ (2 Кор. 5,21).

„Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную“ (Иоан. 3,16).

Таким образом, Иисус Христос является единственным путем к Богу, единственной возможностью примириться с Богом. Он говорит о Себе:

„Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня“ (Иоан. 14,6).

„Ибо нет другого имени под небом, данного человеку, которым надлежало бы нам спастись“ (Деян. 4,12).

Верить – что это значит?

Жертва Иисуса Христа не засчитывается автоматически всякому человеку. Условием для прощения грехов является личная вера в Иисуса Христа.

Вера есть не только принятие за действительное фактов, но и уверенность в том, что Бог прав, полное доверие Божьим обетованиям.

Прежде всего, я соглашаюсь с Богом, признав,

- что я грешник,
- что в качестве справедливого возмездия за мои грехи я заслуживаю вечного осуждения.

Верить – означает, далее, что я должен полагаться только на Господа Иисуса и Его дело и с благодарностью принять предлагаемое прощение грехов.

Христос, Который не способен на ложь, на слова Которого я могу полностью положиться, говорит:

„Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь“ (Иоан. 5,24).

„Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи (наши) и очистит нас от всякой неправды“ (1 Иоан. 1,9).

Практически это выглядит так:

1. В молитве признать свое грешное состояние и грехи.
2. Попросить у Бога прощения.
3. Верой принять Божье обетование прощения через жертву Иисуса Христа и благодарить Его за совершенное для меня спасение.
4. Признать Иисуса Христа как Господа моей жизни и вручить Ему водительство моей жизни.

В момент моего искреннего обращения к Богу, признания грехов и принятия спасения, полагаясь на кровь Господа Иисуса, Бог производит во мне „новое рождение“ (Иоан. 3,5).

Этим самым Бог дарит мне кроме всего прочего:

- Избавление (Еф. 1,7; 1 Пет. 1, 18-19).
- Прощение (Еф. 1,7; 1 Иоан. 1,9)
- Оправдание (Рим. 3,23-28; 5,1)
- Усыновление Богом (Иоан. 1,12; 1 Иоан. 3,1)
- Вечную жизнь (Иоан. 3,14-16; 5,24; 6,40; 10,27-29)

Как мне следует жить, будучи христианином?

Эту подаренную Богом новую жизнь следует теперь питать, укреплять и заботиться о ней.

Признаки здоровой жизни в вере:

1. Чтение и изучение Библии

Библия – обязывающее, одухотворенное слово Божие. Она является масштабом и пищей для но-

вой жизни. Бог говорит к нам через эту книгу и желал бы познакомить нас с богатством вечных ценностей и Своими мыслями и намерениями.

Точно так же, как наше тело нуждается в регулярном приеме пищи для нормального развития и жизнедеятельности, так и духовная жизнь нуждается в слове Божиим, как в пище, необходимой для нормального возрастания (Мат. 4,4; 1 Пет. 2,2; 2 Тим. 3,15-17).

2. Молитва

Бог говорит к нам через Свое слово, а мы можем обращаться к Нему в молитве и выражать свою благодарность, просьбы и заботы. Бог слышит и отвечает на молитвы. Мы можем молиться в любое время и в любой ситуации, но в любом случае должны начинать и кончать день молитвой (1 Фес. 5,17; Еф. 6,18).

3. Быть в общении

Христианин не является одиночкой, но принадлежит к множеству тех, которые, будучи спасенными, составляют Церковь или общину Божию. Эта община сравнивается в Библии с Телом, в котором каждый из возрожденных является членом, выполняющая определенное задание.

Общение с христианами, которые любят и знают Иисуса Христа как своего Спасителя и Господа, безоговорочно признают Библию как единственный масштаб своей жизни, является следующим важным элементом в жизни христианина (1 Кор. 12,12; Евр. 10,25).

4. Свидетельствовать о Господе

Вера должна проявляться в наших словах и де-

лах. Быть христианином – не частное дело. Бог желает, чтобы мы решительно встали на Его сторону и словом и делом служили бы окружающим нас людям путеводителем к Иисусу Христу.

Этому миру, распявшему нашего Господа Иисуса Христа, мы можем нести радостную весть о любви Божией в Иисусе Христе (Мат. 10,32; Рим. 10,8-9).

„Итак мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает чрез нас, от имени Христова просим: примиритесь с Богом!“ (2 Кор. 5,20).

„Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением“ (1 Пет. 3,15).

*Прежде всего, не забывай:
Человек живет только один раз;
Бывают утраты,
которых не восполнить,
Так что вечность – ужасная вечность! –
не только не изгладит из памяти
воспоминание об утраченном,
но будет вечным напоминанием о нем!*

Сорен Киркегаард